Город за рекой

Автор:
Герман Казак

Город за рекой

Герман Казак

XX век / XXI век – The Best

«Город за рекой» – книга, которая наравне с произведениями колоссов немецкой литературы Кафки и Юнгера встала в один ряд с классической антиутопией «1984» Оруэлла.

Загадочный и мрачный город без названия. В нем тоталитаризм доведен до абсолюта, контролю подвержены не только поступки и слова, но и мысли жителей.

Однажды сюда попадает ученый-лингвист Роберт Линдхоф, которому в качестве городского архивариуса предстоит заниматься вопросами бессмертия произведений литературы. Здесь он встречает и старых знакомых, и свою прежнюю любовь и лишь тогда начинает понимать, что попал в город мертвых. И нет выхода из этой безнадежности…

Герман Казак

Город за рекой

Hermann Kasack

DIE STADT HINTER DEM STROM

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1996

© Перевод. Н. Федорова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

* * *

I

Когда поезд сбавил скорость и медленно выехал на большой мост через реку, расположенный прямо перед конечной станцией, Роберт подошел к окну купе и еще раз бросил взгляд на оставленный позади берег. Наконец-то он у цели! Облегченно вздохнув, он глянул в глубину, на русло реки, которая была пограничьем. По обе стороны у воды тянулись широкие полосы пересохшей заиленной гальки – ведь лето наступило раньше срока. Надо всем этим витал зыбкий сумеречный свет раннего утра.

Ночь Роберт провел на грани сна и яви, отчего дорога показалась ему еще более долгой. Меж тем как поезд подъезжал к перрону сравнительно небольшого вокзала, он в который раз за время поездки удостоверился, на месте ли письмо от городской управы, пригласившей его сюда. Чтобы письмо было под рукой, он сунул его в карман с бумажником, потом взял чемодан и вышел из вагона. Вместе с многочисленными попутчиками он по туннелю добрался до таможенного барьера, где приземистый чиновник с хмурым безразличием проверял документы. Содержимому багажа, состоявшему из предметов, необходимых для ночлега и короткого пребывания, он уделял лишь беглое внимание. Но затем насторожился. Роберт предъявил письмо из Префектуры. Воскликнув: «Проходите!», – дежурный широким жестом пропустил Роберта.

Роберт был здесь чужаком, и никто его не встречал. Он заранее выяснил, что вокзал расположен на изрядном расстоянии от центра города, и, выйдя из туннеля, с радостью увидал на площади трамвай, на который в этот ранний час

вовсе не рассчитывал. На вопрос, идет ли трамвай в город – ведь ему надо в Префектуру, пояснил он, – кондуктор сказал: «Заходите». Насколько позволял разглядеть неверный свет, в вагоне сидели скромно одетые люди. Женщины в светлых платках, завязанных под подбородком. На коленях и они, и мужчины держали плетеные корзинки с дорожной снедью, прикрытые полотняной салфеткой. Роберт купил билет и устроился на свободном месте в середине вагона.

Словно только его и ждал, трамвай после короткого звонка тронулся. Скоро они обогнали пассажиров, что приехали тем же поездом и теперь, разбившись на группки, пешком шагали по мостовой в сторону города. Поскольку оконные стекла в вагоне были закрашены голубовато-зеленой краской, четкостью картина похвастать не могла. И в окрестностях, где как будто бы уже появились отдельные дома, угадывались всего-навсего их смутные очертания.

Монотонное урчание электромотора укачивало пассажиров, которые и без того провели утомительную ночь в дороге. Головы опускались на грудь, тела покачивались, а на остановках рывком выпрямлялись. Роберт тоже слегка задремал. Только когда большинство попутчиков, знавших, куда им надо, уже успели сойти на своих остановках и из вагона выходили самые последние, его охватило легкое беспокойство. Тщетно он смотрел в окна, погружавшие все и вся в зачарованную синеву. Ни улиц, ни регулярных комплексов построек – ничто вообще не говорило о близости города. Он поискал взглядом кондуктора, но не обнаружил и его. Не знал, что кондуктор и вагоновожатый – одно и то же лицо, и вообразил, что отдан на произвол слепой механики непрестанной езды, которой, казалось, не будет конца. Хотя всего через несколько минут трамвай снова остановился, он утратил чувство времени. И только услышав, как от передней площадки удаляются грузные шаги, встал и тоже вышел.

Судя по всему, здесь трамвайный маршрут заканчивался, рельсы, правда, тянулись немного дальше. Роберт находился на окраине довольно большого города, и ему хотелось узнать, где можно найти пристанище или хотя бы оставить вещи. Однако вагоновожатый, которого он надеялся спросить об этом, исчез, точно сквозь землю провалился. Тусклый свет раннего утра по-прежнему окутывал пыльной серостью дома, заборы, уличные мостовые. В этот час народ еще из дому не выходил, так что вскоре Роберт в нерешительности остановился на овальной площади, от которой ответвлялось несколько улиц. Посередине стоял фонтан, вода которого играла тусклыми бликами. Лепная фигура направляла струю из узкогорлого сосуда в боковую часть бассейна. «Питьевая

вода» – гласила маленькая деревянная табличка.

Роберт прислонился спиной к широкому краю каменной чаши и достал письмо городской Префектуры, предлагавшей ему занять особую должность в администрации. Перечитывая скупые строчки, он при всей любезности, в какой было выдержано письмо, вновь отметил и решительность тона, в котором сквозило что-то едва ли не приказное. Какого рода задача ему предстоит, сказано не было. Ну что ж, в первые утренние часы он явится в Префектуру и выяснит подробности.

Чтобы немного освоиться, Роберт глянул по сторонам и обнаружил кое-что весьма странное. От домов на окрестных улицах уцелели только фасады, так что сквозь ряды пустых окон виднелось небо. С удивлением он шагнул ближе и сообразил, что почти всюду за голыми наружными стенами зияет пустота. Однако испуг от увиденного потихоньку отступил; немногочисленные постройки с неповрежденной кровлей выглядели уже просто чужеродными, не имеющими отношения к руинному облику городского пейзажа.

Тут к фонтану торопливо подошли несколько молодых женщин и девушек и по очереди принялись наполнять свои кувшины, ставя их на железную решетку под струю воды. Глаза их при этом смотрели куда-то вдаль, словно за пределы города, а лица румянились от все более яркого света утренней зари. Платья на них были разных фасонов, однотонные, насыщенных цветов. Роберта не оставляло ощущение, будто он уже встречал кое-кого из них, хотя в точности вспомнить не мог. Поэтому он ничуть не удивился, когда одна отставила полные кувшины, чтобы они не мешали другим девушкам, и подошла к нему. Казалось, ее заинтересовал чемодан, стоявший у его ног, ведь она указала на него, а потом вытянутой рукой махнула на дверь дома напротив. Роберт медлил, и тогда она раз-другой быстро хлопнула в ладоши, подхватила кувшины и кивком велела ему идти за нею, словно надо было торопиться.

Этот жест напомнил ему молодую женщину, которая некогда роковым образом вмешалась в его жизнь. Девушка уже отвернулась, и он лишь вопросительно посмотрел на остальных, а те, продолжая набирать воду, вскользь ему кивнули. Роберт подхватил чемодан и поспешил за девушкой. Походка ее тоже казалась чем-то знакомой: она шла впереди, как бы слегка подчеркивая широкий шаг, и вес кувшинов словно ничуть ее не тяготил. Подойдя к мертвому фасаду, она вошла не в дверь, а в небольшой соседний проем, который он заметил только сейчас. Аккуратно проделанный, проем вел к каменной лестнице, выходящей

внизу в подземный коридор.

По обе стороны тянулись низкие подвальные помещения, куда сверху, через шахту, порой проникал свет. Поскольку двери стояли настежь, а зачастую вообще отсутствовали, Роберт мог мимоходом заглянуть внутрь. По всей видимости, там обитало множество людей. В конце концов провожатая подвела его к довольно глубокой нише, где громоздились ящики, мешки и чемоданы. Знаком она велела ему оставить здесь багаж, а самому пройти в помещение напротив. Лишь когда она хотела продолжить свой путь через подземные коридоры, он крикнул ей вслед:

– И где же я снова найду тебя?

Она остановилась, поставила один из кувшинов на пол. Оглянулась, приложив палец к губам, и многозначительно повторила этот жест еще раз. Свет, однако, был слишком тусклый, чтобы убедиться, Анна это или незнакомка, лишь похожая на нее. Он был один.

Помещение, где очутился Роберт, напоминало старинную монастырскую трапезную. Беленые стены, с потолочного свода свисают на железных цепях допотопные лампы, распространяющие неестественно желтый свет. За длинными деревянными столами сидели группы пожилых мужчин и женщин. Жестяными ложками они черпали из простых металлических мисок горячую жидкость и весьма поспешно несли ко рту. В воздухе висел густой пар – мало что разглядишь, слышался только прерывистый дребезжащий звук, возникавший оттого, что ложки задевали за края мисок или скребли по дну. Содержимое мисок, казалось, не убывало, равно как и голод едоков. Так или иначе, лица их непрерывно двигались, жуя и смакуя. Судя по одежде, здесь были представлены разные слои населения, хотя большинство явно постаралось принарядиться. Невыразительностью манер они походили на манекены, вырезанные из каталога фирмы готового платья, разве что в натуральную величину. Большинство было прямо-таки обвешано украшениями – ожерельями, брошами и галстучными булавками, перстнями и браслетами. От постоянных покачиваний едоков золото и серебро взблескивали, искрились брильянты и драгоценные камни, будь то подлинные или фальшивые. Многие сидели в шляпах и пальто, как бы готовые в любую минуту отправиться в дорогу. Роберт пробирался среди скамей, высматривая свободное место, – ведь его, наверно, послали сюда перекусить, – как вдруг его окликнули по имени и схватили сзади за плечо.

– Роберт? Как ты сюда попал? – В голосе окликнувшего звучали радость и удивление.

Обернувшись, Роберт увидел своего отца и аж побледнел, но старик не дал ему рта раскрыть, продолжал говорить со словоохотливостью человека, который давно не имел случая высказаться перед слушателями.

– Как замечательно повидать тебя, – тараторил он. – Ты что-то бледный, Роберт, по-прежнему дымишь как паровоз? А я здесь совсем бросил. Как до?ма? Жена и дети здоровы? Ты доволен, сынок, ну, то есть душевно тоже удовлетворен? Я всегда делаю для тебя все, что могу, ты же знаешь. Жаль, ты не стал юристом, а то бы давно мог возглавить мою адвокатскую практику, дело-то превосходное. Однако тебя тянуло к древностям. Вот мне и пришлось тогда взять Фельбера, знаю-знаю, ты его ни в грош не ставишь, но согласись, у Фельбера есть свои плюсы. Как я уже сказал, мы ведь поладили, верно? Работе конца-краю нет, вздохнуть некогда. Кстати, не хочешь с нами позавтракать? Пойдем сядем, места здесь на всех хватит.

Роберт уже не раз тер пальцами глаза под очками. Без сомнения, он слышал голос отца, а вот лицо лишь медленно, исподволь приходило в соответствие с давним представлением. Мотнув головой, он еще больше подался вперед, будто таким манером мог избавиться от наваждения – ведь необъяснимое происшествие казалось ему именно наваждением. В уши опять отчетливо ударило чавканье без устали жующих едоков. Обеими руками Роберт уперся в деревянный стол и сверлил взглядом призрак, притворявшийся его отцом. Разве за свою жизнь он мало наслушался одних и тех же тирад, разве отец порой не казался ему призраком? И вот теперь умершее божество детства вновь во плоти сидит перед ним?

– Ты ешь, ешь, – подбодрил отец, – горячее всегда на пользу.

– А я-то все время думал, что ты умер, – прошептал Роберт.

– Тсс, – шикнул старик, пытаясь растянуть рот в кривой улыбке, – нехорошо этак говорить.

– Странно… – начал Роберт.

– Что странно? – настороженно спросил отец.

– Встретить здесь тебя, – отвечал Роберт. – Конечно, меня не было дома, когда… – он замялся, подыскивая подходящее выражение, – … когда это случилось.

– Совершенно верно, дома тебя тогда не было, – спокойно ответил старик, – вот почему ты не можешь этого знать.

– Мама мне написала, что ты вдруг… – От волнения Роберт осекся.

– Ты же знаешь мать, – сказал отец, высокомерно усмехнувшись, – ей все всегда виделось в самом черном свете. Когда со мной случился удар – ты, вероятно, заметил легкую кривизну в моем лице, – она в душе, натурально, уже со мной распрощалась. А я скрылся от шумихи и, словечком не обмолвившись, обосновался тут, на отдых. И, как видишь, отнюдь не без пользы.

– Но почему ты никогда не писал, – спросил Роберт, – никогда не давал о себе знать?

– Слухи сами собой дойдут, и вообще, жизнь состоит из заблуждений. Ты уж извини. – Отец снова сосредоточился на завтраке.

Роберт смотрел поверх сборища едоков, по-прежнему не в силах примириться с реальностью. Разве не казалось тогда, что отец вправду умер? Несколько месяцев назад, когда Роберт ненадолго заезжал к матери, она была в черном. Впрочем, у пожилых женщин это обычное дело. Об отце они говорили мало и не без смущения, как говорят об отлучившемся. Но в его давнем кабинете ничего не изменилось, будто он в любую минуту мог вернуться. На двери адвокатской конторы, которую теперь возглавлял Фельбер, висела все та же давняя табличка. Вспоминая эти подробности, Роберт вдруг сообразил, что мать ни разу не ходила с ним на кладбище.

– Выходит, ты вовсе не умер? – спросил Роберт, возвращаясь к реальности.

– Да ты посмотри на меня, Фома неверующий! – воскликнул отец, положил ложку на стол и прищурился на сына. – Я ведь выгляжу лучше и в целом моложе, чем

раньше, а?

Словно затем, чтобы побороть последние сомнения, Роберт обеими руками схватил отца за плечи и энергично встряхнул:

– И правда ты.

– После трех с лишним десятков лет в браке охотно учинишь окружающим подвох, чтобы вновь остаться наедине с собой.

Роберт услыхал довольный смех отца, который помнил с детства.

– Ты все такой же, – с улыбкой подхватил он.

Лампы раз-другой мигнули.

– Словом, – чавкая, продолжил отец, – я не жалею, что поехал тогда сюда. Жизнь, так сказать, инкогнито весьма притягательна. Поскольку же мне без работы невмоготу, я от нечего делать готовлю документ для бракоразводного процесса «Мертенс против Мертенс». А это дело требует осторожности. Хорошо, что ты тут, ведь нам совершенно необходимо спокойно и откровенно обсудить сей предмет. Не здесь, разумеется, здешняя обстановка не подходит для столь щекотливых материй.

Он слегка презрительно обвел взглядом помещение с кучками мужчин и женщин. Роберт отметил, что отец, совсем как раньше, шумно хлебает суп. Однако ближайшие соседи были так поглощены едой, что не слышали ни разговора, ни вообще происходящего вокруг.

– Разве это дело не закрыто? – спросил Роберт. – Мне казалось, суд еще тогда вынес решение о разводе?

– Возможно, – сказал отец. – Но суд второй инстанции состоится здесь. Для меня это стало лишним поводом переехать сюда. Кстати, ты ведь тоже был замешан в этой истории, а я ловко сумел вывести из разбирательства и тебя, и твои свидетельские показания. Ты же бывал у Мертенсов, верно? И с учетом некоторых высказываний госпожи Мертенс у меня сложилось впечатление, что

кой-какие вещи лучше не выставлять на публичное обозрение. Документы у меня не с собой, но, как я уже говорил, при случае мы обсудим все это с глазу на глаз.

– Не исключено, – задумчиво обронил Роберт, – что я совсем недавно видел Анну.

– Здесь? – вскричал адвокат. – Госпожа Мертенс здесь? Это бы весьма продвинуло мою работу с делом.

– Я не вполне уверен, – сказал Роберт. – Мне просто показалось, что сюда меня привела Анна.

– Тут непременно надо разобраться, Роберт. Может, тебя вызвала повесткой противная сторона и ты вообще потому и приехал?

– Да нет, едва ли, – отвечал Роберт, которому разговор начал мало-помалу действовать на нервы. – Я получил вот это письмо, из Префектуры. Пожалуйста! – Он достал из нагрудного кармана бумагу, протянул отцу, и тот внимательно ее прочитал.

– Ценный документ, – с уважением признал он, – составлен непосредственно нашей Префектурой… Такого приглашения мало кто удостоивается. Кроме того, отсюда следует, – добавил он не без гордости за сына, возвращая ему бумагу, – что тебе гарантировано здесь длительное пребывание. А это для нашего брата – главная забота. Ты избежишь многих неприятностей и тревог, тебе ведь не придется постоянно подыскивать резоны, чтобы здесь задержаться. Так что в этом смысле можешь быть совершенно спокоен.

Впрочем, куда больше Роберта успокоило то, что, по мнению отца, письмо вряд ли связано с возможным допросом по поводу Аннина процесса, поскольку Префектура – учреждение сугубо административное и на судопроизводство, работающее самостоятельно, влияет лишь косвенно. Отец считал письмо скорее чем-то наподобие дипломатического паспорта, который обеспечит Роберту доступ в важные инстанции.

Роберт сказал, что вскоре, мол, на месте узнает, чего ради он здесь. Непонятно только, с какой стати отец находится в здешних затхлых подвалах среди этого странного общества.

– Что это за люди? – громко спросил он. – Та малая часть города, какую я видел, своими руинами напоминает место, пережившее землетрясение или войну. Что тут происходит?

– Ты давно здесь? – поинтересовался отец.

– Только что приехал и как раз думал поискать жилье, а угодил сюда.

– Раз ты только что приехал, – с некоторым превосходством сказал отец и на миг выпятил нижнюю губу, – то покуда не знаешь, что жизнь, так сказать, проистекает под землей. Это вопрос привычки.

Подробного разъяснения Роберт не получил, так как раздался пронзительный звон будильника. По этому сигналу едоки вскочили и всем скопом ринулись к выходу, где возник затор, поскольку проем был слишком узкий. Роберта оттерли от отца, они даже не успели договориться о новой встрече. Затем его подхватил людской поток, который, словно вязкое тесто, медленно протискивался по коридору.

Лишь немного погодя, когда они миновали несколько ответвлений коридора, ему удалось выбраться из толпы. Таблички с непонятными буквами и цифрами указывали в разных направлениях. Он пошел наугад, в надежде, что выбранный путь выведет его из лабиринта наружу. Но всякий раз, когда он пытался обратиться с вопросом к кому-нибудь из спешащих прохожих, тот отрицательно мотал головой, словно занятый куда более важными вещами.

II

Неожиданно Роберт очутился на свободном пространстве, окруженном невысокими домами. Хотя с виду они не отличались от домов возле фонтана, от них все-таки веяло духом многолетней обжитости, создающимся в ходе поколений. Во многие уцелевшие фасады тут и там были вмурованы каменные блоки и остатки колонн давних построек. Сама площадка вымощена обветшалыми каменными плитами, кое-где еще угадывался геометрический орнамент мозаики. В стыках плит разросся мох, а кое-где из трещин торчали

пучки сожженной солнцем травы. Несколько плит, вероятно, не так давно убрали и на их месте разбили узкие искусственные цветники. Истоптанные ступени вели к свободно стоящей полукруглой арке, которая некогда, вероятно, была частью портала старинного дворца.

В обширном пространстве этого давнего дворца вдоль и поперек возвели ряды домов, расположение и конструкция которых определялись планировкой залов и мощными дворцовыми сводами. Высокие оконные проемы были почти целиком заложены, превращены в узкие щели, крошечные балконы висели в воздухе, точно открытые птичьи клетки. Полы и лестницы из благородного камня составляли странный контраст с убожеством более поздних построек. Ничто не мешало пройти низкими галереями меж домов, чтобы уже вскоре оказаться в новом дворе. В резком сиянии небес светлые поверхности набирали яркости, а тени – мрачности.

Сам старинный дворец, вероятно, имел форму прямоугольника, подобно всякой укрепленной твердыне. По линии последних домов можно было прикинуть размеры давнего сооружения. С трех сторон оно примыкало к остальной городской территории, а с четвертой, северной, граничило с бездорожной пустошью, круто уходящей вниз, к галечному руслу большой реки – той же, какую Роберт пересек по железнодорожному мосту. И там, где изгиб ее русла подходил к городу ближе всего, располагался дворец, а ныне причудливый комплекс, воздвигнутый на его месте: городская Префектура.

Во всех этих соединенных между собой постройках, в аккуратно разгороженных, похожих на соты комнатушках нижних этажей сидело за мраморными столами множество мужчин и женщин. Одни сортировали бумаги, помечая их определенными значками или снабжая штемпелем. Другие, приложив палец к носу, готовили документы, листали толстенные папки, которые доставали из стальных шкафов. Нередко папки со списками и формулярами передавали от стола к столу, и каждый извлекал или, наоборот, подшивал какую-то бумагу. Происходило все по давным-давно отлаженной схеме, ни особого рвения, ни заметной увлеченности не наблюдалось. Когда эти мужчины и женщины поднимали глаза от бумаг, в их чертах обнаруживалась только пустая серьезность. Внушительную отрешенность гладких лиц подчеркивали похожие на тюрбан зеленые головные уборы. Поверх одежды все носили форменные халаты в серо-желтую полоску, маскировавшие разницу полов. Правый рукав каждого из чиновников украшала нашивка, сообщавшая о значимости и ранге его должности. Между отделами непрерывно сновали курьеры, чья деловитость

придавала безмолвной суете что-то бестактно-болтливое.

Немного погодя Роберт остановил одного из курьеров, предъявил письмо Префектуры. Курьер бросил взгляд на шифр вверху бумаги, скрестил руки на груди и сказал Роберту следовать за ним. Через проем в стене они вышли на безлюдную площадь, на длинный голый двор, в конце которого находилась довольно большая постройка. Там провожатый усадил Роберта в вестибюле и попросил подождать. Затем другой курьер провел его в приемную Верховного Комиссариата городской администрации. И пол, и кресла, и столы были здесь из пестро инкрустированного мрамора.

Холодная торжественность комнаты, где Роберта без объяснений оставили одного, конечно же, возымела свое воздействие. Нервное напряжение ввиду предстоящей в скором времени встречи с Префектом или с кем-то из его штаба, от которой зависело его личное будущее, нарастало с каждой минутой ожидания. Он нетерпеливо барабанил пальцами по краю стола. Ничего не происходило; время замерло. Оно опять сдвинулось с места, только когда Роберту велели через узкую боковую дверцу войти в кабинет Комиссара.

Высокий чиновник прошел навстречу Роберту почти до порога. Он тоже был в полосатом халате, и глаза Роберта, покуда толком не освоившиеся со знаками на нашивках, не углядели отличий от всех прочих чиновников, вплоть до мелкой сошки, то бишь курьеров. Ну разве что он, согнув руку в локте, держал свой зеленый тюрбан под мышкой, демонстрируя голый череп, тщательно выбритый на манер азиатских сановников. Чиновник почтительно поздоровался, усадил Роберта в мраморное кресло – тот с удовольствием отметил, что оно устлано подушками, – после чего направился к большому письменному столу и занял место напротив Роберта, укрывшись за стопками бумаг и всевозможных канцелярских принадлежностей. Роберт обратил внимание на микрофон и динамик.

– Господин Префект, – начал Верховный Комиссар звучным монотонным голосом, в котором сквозила усталость, – господин Префект просил меня принять вас, милостивый государь. Спасибо, что вы последовали нашему приглашению. Обратились мы к вам по двум причинам. Во-первых, в административном порядке у нас появилась вакансия, которую, как мы полагаем, должен занять наилучший кандидат. Во-вторых, по нашему впечатлению, вы, господин доктор Линдхоф, по сей день не имели возможности надлежащим образом раскрыть свои природные способности. Или я ошибаюсь?

– Можно и так сказать, – ответил Роберт. – Почти пять лет я проработал вспомогательным научным сотрудником в Институте исследования клинописи. Но с тех пор как в связи с повсеместным сворачиванием культурной деятельности институт был вынужден закрыться, я работал только для себя, только вот на отклик рассчитывать не приходится. Не говоря уже об экономических трудностях – как свести концы с концами.

Комиссар кивнул:

– Ваши обстоятельства нам, разумеется, известны. Однако интересующая нас область исследований относится не к узкому аспекту прошлого, как ваши аккадские штудии касательно «Эпоса о Гильгамеше», а к широкой, я бы сказал, покуда вполне конкретной эпохе минувшего. Речь о той зоне, где жизнь стоит на пороге прошлого. И ваша задача, господин доктор Линдхоф, – запротоколировать определенные процессы и явления, прежде чем они канут в забвение.

Благоговейно слушая, Роберт слегка наклонился вперед.

– Стало быть, – сказал он, – меня ожидает здесь пост хранителя.

– Нет большей ценности, – продолжал Комиссар ровным сухим тоном, словно читая доклад, – нежели человеческая память. Жизнь индивида коротка и зачастую предоставляет недостаточно пространства развитию его судьбы. Многое у людей остается непрожитым, не находит выражения. Потому-то существование их несовершенно. – Он кашлянул. – Истекающее в эту минуту уходит вместе с нею в небытие. Искусство же, как мы его называем, есть живое предание, живая традиция духа. Храмы и статуи, картины и песнопения – они остаются в веках, переживают человека и народы, а наиболее верно духу служит написанное слово. Не будь записаны «Эпос о Гильгамеше», песни Упанишад или поэмы Гомера, «Дао-Дэ цзин» или «Божественная комедия» – назову лишь некоторые из старинных шедевров, – мир человека по сей день не отличался бы от мира муравьев.

Верховный Комиссар умолк, испытующе посмотрел на Роберта. Тот выслушал его слова скорее как лавину мыслей, не вникая в подробности. Бесстрастный тон, будто речь шла о самых естественных на свете вещах, привел его в огромное волнение. Мало-помалу он оторвал взгляд от Комиссара, вгляделся в задний

план, где за широким дверным проемом находился балкон. Его обрамляла невысокая каменная балюстрада, открывающая вид на раздольные дали. Просторной дугою раскинулся горизонт, а в глубине островами поднимались из серебристой дымки голые горные кряжи. В одном месте взблескивали огненные крапинки, вероятно оконные стекла какой-то постройки – на них падало солнце, и они отражали его слепящий свет. Голова и плечи Комиссара вписывались в проем, так что он казался этакой восседающей на престоле фигурой святого с огромной средневековой картины. Отбрось он тень, и она объяла бы небо и землю.

– У меня такое чувство, – сказал Роберт, – будто высказаны мои собственные мысли. Они прекрасно мне знакомы, только вот я никогда не умел с такой легкостью облечь их в слова.

– Надо понимать это как согласие? – спросил Комиссар. – Вы готовы к работе, какую мы намерены вам поручить?

В некотором замешательстве Роберт сказал, что пока толком не представляет себе эту работу, и в ответ услышал, что городская администрация надеется заполучить его на пост Архивариуса и Хрониста.

– Ваша задача, – пояснил чиновник, – не только записывать обычаи и особенности нашего города, но и прослеживать судьбу его жителей, чтобы в словесных образах запечатлеть все, что на пользу общему опыту.

Пост независимый, добавил он, доктор Линдхоф волен по своему усмотрению решать, что именно достойно изучения и сохранения. Можно разве что порекомендовать ему ознакомиться с коммунальной литературой последнего столетия. Свои служебные помещения он найдет в здании Старых Ворот.

Роберт выразил удивление, что на этот пост не предпочли человека, который живет тут с давних пор и знает здешние края, но Верховный Комиссар на это лишь вскользь обронил, что глаз приезжего свободнее от предрассудков и объективнее. К тому же неэтично допускать различные группы местного населения в Архив, где наряду со значимыми документами давних времен хранятся секретные бумаги из наследия отдельных граждан. Знакомство с означенными досье, безусловно, позволит Роберту разобраться во многих важных вещах. Главное – установить, в какой мере обстановка в городе

отражает дух порядка, то бишь, как полагают высокие чиновники Префектуры, дух законности.

– Законности? – удивленно переспросил Роберт. Он вспомнил о странном устройстве подвалов, о словах отца, что жизнь здесь проистекает в подземельях, о городских районах, являющих собой сплошные развалины. Однако решил, что сейчас не время задавать любознательные вопросы, вдобавок обещанная работа даст возможность исподволь составить себе представление о жизненных обстоятельствах, которые пока что кажутся необычными.

По мнению Комиссара, во всем Ставшем сокровенно присутствует как Бывшее, так и Сущее-теперь. В итоге он заговорил о стараниях Префектуры избавить жизнь вверенного ей населения от всего случайного, дабы привести отдельные человеческие жребии в соответствие с линиями общей судьбы.

Мысленно Роберт уже видел, как сидит в окружении старинных фолиантов, задумчиво подперев голову руками, углубившись в былые судьбы.

А собственная его судьба?

Трезвучное арпеджио, с короткими перерывами повторявшееся все громче, вернуло его к реальности. Сигнал доносился из динамика. В ответ на удивленный взгляд Роберта Комиссар пояснил:

– Господин Префект намерен лично сказать вам несколько слов.

Роберт встал, думая, что вот сию минуту Префект войдет в кабинет. Но Комиссар уточнил, что Префект остается незрим и общается с городским миром только через микрофон. Резиденция его расположена в предгорьях, в том далеком здании, чьи фронтонные окна порой ярко вспыхивают бликами света. Большая честь, ведь Префект редко когда лично приветствует прибывшего.

Фуговая тема постепенно затихала, а Комиссар между тем придвинул настольный микрофон поближе к Роберту, чтобы тот мог воспользоваться им для ответов.

И вот раздался голос Префекта. Гулкое эхо неторопливо произносимых слов наполнило комнату. Комиссар тоже встал. Голос был низкий, густой, однако оказывал примерно такое же воздействие, как холодный текучий свет. Фразы повисали в бесконечном пространстве и, подобно рентгеновским лучам, пронизывали насквозь.

– Прибывший сюда, – звучало из динамика, – поступит правильно, если отбросит знания разума как балласт. Логика и разум, коими так гордится человек Запада, замутняют образ природы. Ибо… что есть природа?

Неожиданный вопрос испугал Роберта. То обстоятельство, что говорящий оставался незрим, а потому безлик, возносило его в таинственные неземные сферы. Роберт быстро покосился на Комиссара, однако лицо чиновника было непроницаемо. Голос в динамике по-прежнему молчал.

– Природа, – наконец промямлил Роберт, нарушая паузу, – есть господство стихий.

– А стихии? – допытывался незримый голос.

– Стихии – это Вселенная. Природа, – по внезапному наитию добавил Роберт, – есть язык богов.

– Самый простой ответ на этот вопрос, – произнес голос, – таков: природа есть дух.

Роберту казалось, будто ему устроили экзамен, от исхода которого зависит, сочтут ли его достойным должности. Одновременно он уже чувствовал, сколь велико в нем желание проникнуть в тайны этого города. Подняв глаза, он опять увидал вдали взблески окон, за которыми, словно в твердыне из света, ожидал ответа Префект. Но Роберт молчал. Его лихорадило. А неторопливый низкий голос раздался снова:

– Тот, кто полагается на видимый мир, принимает бренность оного за действительность. Дух невидим. Коль скоро в крохотном зернышке заложены рост и облик будущего растения, коль скоро в нем незримо существуют цветок и плод, неисповедимые даже для самого умного человеческого мозга, – что это означает?

– Это означает, – быстро сказал Роберт, – что жизнью властвует закон более высокий, нежели просто закон причины и следствия.

– Самый простой ответ, – произнес голос, – таков: дух есть природа.

Роберт почувствовал себя дураком.

– Но как же закон, – вскричал он, – главный закон, которому подчиняется каждый человек, и сейчас, и сто, и тысячу лет назад, и перед которым все жизни равны, во все времена!

– Добро пожаловать к нам, доктор Линдхоф! – произнес голос Префекта.

Из динамика вновь послышалось арпеджио и вновь постепенно умолкло. Роберт, как завороженный, смотрел на аппарат, будто голос вот-вот опять зазвучит.

– Аудиенция окончена, – сказал Комиссар. – Давайте сядем!

– А у меня столько всего было на душе, – оживленно сказал Роберт.

– Лично Префекту вопросов не задают, – отвечал Верховный Комиссар. – Он снабдил вас двойным напутствием. Поздравляю, вы назначены на должность.

– Я тем более сомневаюсь, – признался Роберт, – по плечу ли мне эта задача.

– Помните об одном, господин доктор. Вы покуда не разделяете нашу участь, но приняты в наше сообщество как гость. Испокон веков нашу хронику вел гость. Позднее, когда получше ознакомитесь с Архивом, вы поймете причину. А коль скоро на первых порах вам для устройства личной жизни надобен провожатый, всегда найдется кто-нибудь, вполне способный помочь.

– Я уже встретил своего отца и… – Роберт осекся. Обо всем ли осведомлена здешняя высокая инстанция?

– Вам совершенно нечего опасаться, – учтиво сказал Комиссар, вставая, и легонько поклонился.

Роберт вышел. Его не оставляло ощущение, будто на высокого чиновника навалилась усталость, от которой его улыбка сделалась как восковая. В соседнем помещении Роберта встретил Секретарь Верховного Комиссара. Полное лицо, веселые голубые глаза за сильными линзами очков.

– Речь идет о сущих формальностях. – Он положил на стол письмо, в свое время полученное Робертом из Префектуры, и выписал ему удостоверение, открывающее доступ куда угодно, в казармы, в фамильные дома, в районы катакомб.

– Подземные территории, – добавил Секретарь, потирая ладонью розовые щеки, – простираются в северо-западном направлении далеко за рамки обозримой картины нашего города, очень далеко.

Как бы невзначай он упомянул, что они теряются в бесконечности. Поскольку же суровая негостеприимность местности возрастает, и чем дальше от центра, тем больше, желанию побродить там в скором времени ставятся естественные пределы.

– Будьте добры, подпишите, господин доктор. Вообще-то мы не выдаем особых удостоверений, однако в вашем случае это представляется вполне уместным, во избежание всякого рода сложностей для вас.

Роберт вынул авторучку и подписал. Чиновник поставил на бумагу печать и выдал талоны на жилье, питание и покупки, которые позволяли Роберту покрывать все свои личные потребности за счет города.

– Жалованье, – коротко пояснил Секретарь, – выплачивается продуктами питания или услугами, тарифицированными по значимости отдельных позиций. Соответственно должностному рангу вам как городскому Архивариусу подобает четвертая сверху ступень обслуживания из восемнадцати. А поскольку деньги вам здесь не понадобятся, в том числе и на приглашения родни, друзей или подруг, – глаза его под очками опять весело блеснули, – можно, если вы пожелаете, регулярно переводить оставшейся на родине семье определенную часть вашего жалованья в форме платежных средств, имеющих там хождение.

Роберт кивнул. Сообщив свой секретный номер телефона – пользоваться этим средством связи опять-таки дозволялось лишь чиновникам высоких рангов, – Секретарь описал ему местоположение Старых Ворот, где находятся его служебные помещения, и дорогу к подходящей для него гостинице, а затем, пожелав ему успехов в работе, попросил разрешения вернуться к своим обычным делам.

Роберт, слегка разочарованный деловитой спешкой, вежливо поблагодарил, взял удостоверение и талоны и покинул Префектуру.

III

В городском квартале, где Роберту по описанию Секретаря предстояло отыскать гостиницу, царила прямо-таки тишина выходного дня, составлявшая резкий контраст с оживленной суетой подземных коридоров и подвалов. Роберт замедлил шаги. После холода помещений Префектуры уличная теплынь поначалу действовала благотворно, но солнце поднималось все выше и скоро стало изрядно припекать. Он снял пиджак, перекинул его через плечо. И заодно глянул на свои часы: без пяти одиннадцать.

Кривые улочки и переулки, насколько можно было видеть, ответвлялись от широкой магистрали, что, извиваясь улиткой, вела к пятиугольной площади. Глаз уже привык к зрелищу голых изломанных очертаний домов, которые здесь поднимались большей частью до одного-двух этажей, а затем, будто мощным ударом смерча снесло крышу вместе с верхними этажами, обрывались острозубым зигзагом. Лишь сиротливыми башенками тянулись вверх кирпичные четырехгранники дымовых труб. В наружных стенах зачастую зияли трещины, во многих местах большие пласты штукатурки осы?пались. Внутри изъеденных ветрами помещений тут и там на стене меж грязных дверных проемов белела жирная клякса печного кафеля. Расколотые трубы, ржавые стальные балки торчали повсюду, словно кости скелета.

Во избежание обвалов чуть не на каждом шагу были установлены подпорные балки и стальные скрепы. Одни постройки изнутри полностью уничтожил пожар, в других, с каменными полами и лестничными шахтами, нутро, хоть и в пятнах от огня, уцелело. Роберт вдруг понял всю целесообразность мраморных столов и

кресел Префектуры, которые поначалу вызывали у него раздражение.

По бугристой уличной мостовой время от времени громыхали двухколесные тележки. Объезжая дом за домом, мужчины забирали мусор, выставленный в подворотнях, и пересыпа?ли из худых ведер в большой бак. Перед тем как продолжить путь, один из мужчин хватался рукой за колесные спицы, чтобы привести тележку в движение. На другой тележке лежала на боку бочка с водой. С помощью примитивного насоса из нее поливали улицу. Поливальщики были в кожаных фартуках и картузах.

Вообще Роберту бросилась в глаза прозаичная чистота улиц и мертвых домов. Нигде не видно ни обугленной домашней утвари, ни куч обломков, даже там, где дом оказался разрушен до основания, была чистенькая площадка, в углу которой с педантичной аккуратностью сложили мало-мальски пригодные кирпичи и черепичины. Многое позволяло сделать вывод, что катастрофа, постигшая город, случилась довольно давно. Живет ли кто в этих развалинах? Помещения нижнего этажа допускали такую возможность. А иной раз кое-что говорило, что комнаты второго этажа если и не жилые, но все-таки тоже используются. Особенно там, где оконные проемы были заколочены гладко оструганными досками. Казалось, их прибили совсем недавно, и Роберта поневоле опять одолевали сомнения в датировке всеобщего разрушения. Может, оно произошло не разом, а как бы поэтапно? Может, оттого здесь и не занимаются основательным восстановлением, а просто кое-как латают, и всё.

Роберт медленно пошел дальше и увидел, что к фасаду одного из этих домов до высоты второго этажа прислонена лестница, на верхних ступеньках которой стояла женщина в бурой спецовке. Временами окуная щетку в ведро с водой, она энергично драила доски на заколоченных окнах. А потом машинально, будто стекла, досуха протирала их кожаным лоскутом, пока они не взблескивали желтоватой белизной. Роберт покачал головой. Не только по поводу занятия женщины, вопиюще противоречащего здравому смыслу, но и оттого, что одновременно чуял здесь некий символ, который не мог уразуметь, поскольку не имел пока ключа к судьбе города и его обитателей.

По трезвом размышлении все, что он пережил тут за считаные часы после приезда, составляло странный контраст с нормальной жизнью. Уже беседа с Верховным Комиссаром протекала отнюдь не так, как принято в подобных случаях. Будто между ними и реальностью возвышалась стена. Правда, в Префектуре атмосфера минуты настолько заворожила Роберта, что необычность

ситуации прошла мимо его сознания. Равно и то обстоятельство, что Префект говорил с ним по радио, казалось вполне уместным, поскольку в известном смысле как бы шло в ногу со временем. Однако ж, вместо того чтобы, как он ожидал, конкретным или любезным словом ознакомить с новой должностью, от него с ходу потребовали ответа на принципиальные вопросы человеческого бытия, которые теперь, задним числом, представлялись ему не чем иным, как философскими софизмами. Он ведь не хлопотал о должности, а был приглашен городскими властями, так что лучше бы им подробно разъяснить ему новые задачи, снабдить его четким планом работы и указать служебные часы. Что скрывалось за старомодными званиями Архивариуса и Хрониста? Уж не предстоит ли ему роль средневекового городского летописца? Кстати, у него даже письменного договора нет. Улыбчивый Секретарь выписал ему кучу бумаг, но в остальном лишь пустословил о четвертом уровне оклада и высоком чиновничестве. Он что же, получил постоянное место – или Префектура молчаливо подразумевала испытательный срок?

Роберт с удовольствием съел бы мороженого, но тщетно озирался по сторонам в поисках ларька или кафе. Повсюду только безжизненные дома-призраки, похожие на макеты. Можно подумать, это все декорации, как в кино.

Когда в нескольких шагах впереди рухнул наземь кусок потрескавшегося фронтона, он невольно отпрянул к стене. Она не поддалась, была не из парусины, настоящая, каменная. Женщина, шедшая по другой стороне улицы, лишь мельком глянула на поднявшееся облако пыли.

На соседней улице, неподалеку от пятиугольной площади, которую ему описали, Роберт увидал вывеску гостиницы, которая, как он отметил, принадлежала к числу тех считаных построек, что были почти не тронуты разрушением. Посмотрел на часы – без пяти одиннадцать. Раздосадованный, что запамятовал вовремя их завести, Роберт с силой стукнул по двери металлическим молотком. Никто не открывал, и он нетерпеливо постучал еще раз. А немного погодя попробовал нажать на дверную ручку, которая без сопротивления поддалась. Он вошел и очутился в сумрачном вестибюле.

Высокое зеркало в узорной золотой раме, наклонясь вперед, стояло на низкой консоли; рядом на точеной деревянной жардиньерке красовался букет искусственных цветов. По другую сторону, возле круглого стола с треснувшей мраморной столешницей, группировались несколько кресел с золотыми подлокотниками и гнутыми ножками, напоминая потертой обивкой о поддельной

роскоши старинной дворцовой мебели.

Раз-другой Роберт нарочито кашлянул, однако ни хозяева, ни работники так и не появились. В конце вестибюля темнел коридор с уходящей наверх каменной винтовой лестницей.

– Алло! – окликнул он, сперва вполголоса, потом громче и настойчивее.

Немного погодя этажом выше послышались шаркающие шаги и откликнулся женский голос. Наконец эта особа степенно спустилась по ступенькам, чтобы, едва завидев гостя, встретить его шквалом неразборчивых слов. Это оказалась пожилая женщина с волосами, сколотыми на макушке в пучок, и водянисто-серыми глазами, в руках она держала фонарь «летучая мышь». А когда говорила, было видно, что многих зубов недостает. Поставив фонарь у подножия лестницы, она обеими руками разгладила съехавший набок фартук.

Роберт заговорил с ней насчет жилья, однако ж быстро выяснилось, что его язык ей непонятен. Она растерянно смотрела на него и твердила одну-единственную фразу, в которой Роберт угадывал сочувственно-извиняющийся тон, но смысла не улавливал. Он пожал плечами. Как назло, чемодан, по которому в нем бы тотчас узнали приезжего, по-прежнему находился в багажной нише подземелья. Неужто в доме нет никого, с кем можно объясниться? Он с досадой огляделся по сторонам. Старуха вскинула руки и снова их уронила, так что ладони хлопнули по бедрам. Потом шагнула к Роберту, просветлев лицом, указала вытянутым пальцем на него, сплела ладони, приложила к щеке и принялась легонько покачиваться. После этого жеста, изображающего сон, она сделала ему знак подняться по лестнице. Сама же поспешила вперед, отыскала в большой связке ключ и отперла высокую двустворчатую дверь. Роберт, забавляясь, последовал за ней. А старуха уже прошагала к окну и распахнула ставни. Похожее на зал помещение было сплошь заставлено мебелью и всевозможной домашней утварью. Нашлось и несколько железных кроватей с голыми матрасами – он быстро насчитал семь штук. Шкафы и комоды громоздились со всех сторон, образуя узкие проходы, а в одном углу у стены среди всякого хлама высились штабеля тарелок, чашек и подносов.

Старуха с надеждой смотрела на Роберта, словно спрашивая: нравится? Она опять широко раскинула руки, будто приглашала его воспользоваться всей этой роскошью. Потом поспешила к остальным окнам, чтобы впустить побольше света, и знаком предложила ему полюбоваться видом.

– Ай! Ай! – ободряюще твердила она. Но опять огорчилась, поскольку не сумела вызвать у него восторженного отклика.

Перед Робертом широко раскинулась панорама, похожая на ту, что он видел с балкона Префектуры. Вдали изгибалась дугой серебристо-серая полоса, в которой он распознал реку.

Старуха меж тем показывала то на одну, то на другую кровать, будто ждала, что он выберет и сообщит ей, какую надо застелить. Роберт покачал головой. Старуха сразу помрачнела. Потом вдруг опять вскрикнула по-птичьи, просеменила к двери, загремела ключами и замахала руками: идемте, мол, со мной. Роберт вышел в коридор. Она мигом отперла еще несколько комнат, открыла ставни и, явно похваляясь, старалась обратить его внимание то на мягкое кресло, то на ковер, секретер, писанную маслом картину, торшер.

Угловая комната оказалась размером поменьше. Одно из окон выходило на речную долину, другое – на городские руины. Старухе этот вид был вроде как не по нраву. Роберт же, коль скоро вообще здесь останется, считал его просто необходимым. Если убрать лишнее барахло и принести из других комнат полезные вещи, жилье, пожалуй, вполне сносное. Можно, например, придвинуть стол к окну, чтобы за работой всегда видеть небесный простор. Все в целом не лишено романтики.

Роберт не заметил, что прислуга удалилась. И когда вышел в коридор, чтобы перенести к себе из других комнат те или иные подходящие предметы, услыхал на лестнице приглушенный разговор. В оживленную болтовню старухи регулярно вклинивался коротким вопросом скрипучий мужской голос. Звучал он властно. Потом послышались семенящие шаги старухи, ковыляющей вверх по лестнице. Роберт в ожидании стоял на пороге комнаты, пока прислуга не сделала ему знак следовать за ней. Она снова привела его в вестибюль, залитый теперь ярким искусственным светом. В одном из кресел расположился осанистый корпулентный мужчина с черными нафабренными усами, подкрученные кончики которых торчали вверх. Он встал, с достоинством поздоровался и опять сел, предложив Роберту последовать его примеру. Осторожностью движений он напоминал костюмированную куклу.

– Вы хозяин? – спросил Роберт.

– Нет, не хозяин, только управляющий, – ответил усач и уныло добавил: – На время… не так ли?

Роберт не понял, относится ли эта реплика к управляющему или к его собственному пребыванию здесь, но протянул ему удостоверение и выданный Префектурой талон на проживание.

– Отлично, – сказал гостиничный Патрон, – отлично. Секретарь – мой друг. Вы довольны комнатой? – Говорил он несколько натужно, а в скрипучем голосе словно бы таился иноземный акцент.

Радуясь, что можно объясниться на родном языке, Роберт изложил ему свои пожелания касательно убранства комнаты, ведь он намерен не просто пользоваться ею, но чувствовать себя как дома.

Патрон задумчиво наморщил лоб.

– Вы меня понимаете? – спросил Роберт.

– Более или менее. Посмотрим, что можно сделать. Гостинице принадлежит лишь часть вещей, многое здесь просто сложено на хранение. Но мы посмотрим. Поэтому…

Он умолк, сделав многозначительный жест, которым, вероятно, намекал на состояние гостиничных номеров, служивших скорее складом, но не жильем. А заодно, пожалуй, просил извинить его за неловкую речь. Затем он дал указания старой служанке, которая, испуганно прислушиваясь, ждала чуть поодаль распоряжений; та кивнула и удалилась.

– Что это за язык? – поинтересовался Роберт.

– О, всего лишь старинный диалект, – ответил Патрон, – на нем объясняются с простонародьем. Ведь персонал и поставщики то и дело меняются. Мильта, так зовут служанку, здесь совсем недавно. На время… не так ли? – опять добавил он.

Из скудных намеков, с трудом вытянутых из Патрона, Роберт узнал следующее: сейчас он единственный постоялец, что обеспечивает ему приятную

возможность передвигаться без помех. Питаться лучше всего здесь же, поскольку точки общественного питания вообще-то предназначены исключительно для местных. Жена Патрона прекрасно готовит и аккурат сейчас уже стряпает обед, ведь после долгого путешествия он наверняка проголодался. За багажом можно послать уличного курьера, который наверняка все разыщет в подвалах на Фонтанной площади, ведь на чемодане есть бирка с именем.

Патрон встал, чтобы проводить Роберта в столовую. Передвигался толстяк мелкими резкими шажками, чем снова напомнил Роберту куклу-марионетку.

Среди искусственных комнатных пальм в просторном столовом зале стояли два-три десятка пустых столиков со стульями. Патрон решительно прошагал к месту у боковой стены и сказал:

– Ваш столик, господин доктор!

Затем он достал из секретера, оставив его открытым, переплетенную в кожу затрепанную книгу и положил ее перед Робертом.

– Книга регистрации и отзывов! – провозгласил он с победоносной улыбкой, от которой усы гордо взлетели вверх. Казалось, Патрон угадал тайные Робертовы сомнения насчет того, вправду ли он попал в гостиницу. – У нас оставляют записи только именитые гости, – небрежно произнес он и попросил Роберта оказать книге честь, а его отпустить до обеда, коий предстоит уже в самом скором времени.

– Который час? – крикнул Роберт ему вслед. – Мои часы остановились.

Патрон удивленно обернулся и, помедлив, ответил:

– Полдень.

– Точно? – спросил Роберт. – Мне надо поставить часы.

Патрон пожал плечами, невозмутимо прошел меж рядами столиков к двери и затворил ее за собой.

Чтобы развеять скуку, Роберт полистал книгу и обнаружил, что последний постоялец уехал еще несколько недель назад. Может, попробовать с помощью Секретаря перебраться из этих заброшенных номеров в менее старомодную гостиницу? Почему его направили именно сюда? Только потому, что управляющий якобы в друзьях с Секретарем? Без особого интереса Роберт читал незнакомые имена, которые порой оставляли обычные стихотворные строчки, что-то хвалили, что-то порицали, кстати, гости были из разных стран и писали на разных языках. Если сопоставить число записей с временны?м периодом, уходящим вспять в минувшее столетие, то навещали гостиницу всегда лишь единицы.

Старая служанка, явно радуясь, что в доме есть постоялец, несколько раз заходила в столовую, постелила на стол клетчатую серую скатерть, разложила столовый прибор и салфетку, принесла графин и стакан. Чем дольше Роберт ждал обеда, тем сиротливее чувствовал себя в безлюдном зале. Надо надеяться, здесь не всегда так одиноко. Во всяком случае, ему хотелось на днях уговориться с отцом пообедать вместе или поужинать.

Но вот наконец раздался удар гонга. Дверь открылась, так что последние отзвуки хлынули в зал. Затем с подносом в руках появилась Мильта, а за ней – женщина, по виду южанка, с подкрашенными щеками и губами, в чепчике, – наверно, жена Патрона; за нею, не выпуская из рук колотушку гонга, шагал сам Патрон. С торжественным выражением лица, держа дистанцию, шествие гуськом медленно направилось меж рядами пустых столиков к Роберту. Патрон колотушкой отбивал ритм шагов, а жена его в такт покачивала бедрами. Дешевый шелк платья шуршал. Группа полукругом стала возле столика, Роберт не без смущения наблюдал за ними. По знаку Патрона его жена взяла у Мильты с подноса супницу, поставила на стол и, бегло поклонившись Роберту, серебряным половником наполнила его тарелку.

Патрон тем временем, словно эти манипуляции ничуть его не касались, глядел в потолок столовой. Старая служанка сделала книксен, жена Патрона накрыла супницу крышкой и легонько шевельнула рукой, Патрон, чьи усы пуще прежнего блестели чернотой, бросил пристальный взгляд на столик и на гостя и с намеком поправил скатерть. Затем он пожелал Роберту приятного аппетита, коротко ударил колотушкой по столику, после чего обе женщины повернулись и шествие в обратном порядке, во главе с Патроном, но с теми же забавными ужимками, как и при появлении, протопало к выходу. Роберт провожал взглядом церемонию, пока все трое не исчезли, и только потом взял ложку и рискнул

приступить к еде.

Вскоре он опустошил тарелку, сам налил добавки и с удовольствием все съел. Последние ложки он растянул, а затем снова стал ждать. Минута шла за минутой. Безмолвный зал начал его угнетать. Голод он пока не утолил, но, может быть, в этих краях принято в обед обходиться одним супом и трапеза уже окончена. Смотреть было не на что. Ничегонеделанье казалось даже тягостнее ожидания в Префектуре. Разве его не ждут задачи особого рода? Надо ознакомиться со служебными помещениями Архива в Старых Воротах, вникнуть в незнакомые материи. Коль скоро служба позволит, он должен выяснить, где находится женщина, которую он встретил по приезде. Если это была Анна, в чем он теперь сомневался все меньше, значит, у них обоих есть возможность встретиться, поехать вместе куда-нибудь в незнакомое место, чтобы вне обстоятельств и препон того часа изведать свою живую судьбу.

– Это наверняка Анна! – вполголоса сказал себе Роберт, бросил салфетку на столик и отодвинул стул, собираясь встать.

Дверь столовой отворилась, и вновь тем же манером, что и раньше, вошла давешняя троица, медленно направляясь к нему. Преувеличенная помпезность начала действовать Роберту на нервы. Но, похоже, для здешнего мира она в порядке вещей, и Роберт смирился. Снова придвинул стул к столу, покорно расстелил на коленях салфетку. Только когда процессия остановилась возле стола, он поднял взгляд.

Со скорбной, напряженно-торжественной миной Мильта держала на вытянутых руках поднос, уставленный всевозможными тарелками, открытыми горшочками и закрытыми мисочками. Жена Патрона принесла в плоской корзинке откупоренную бутылку, из которой Патрон теперь собственноручно наполнил вином графин.

– Маловато постояльцев, – от смущения вырвалось у Роберта.

– Увы, – отвечал Патрон, – такие времена!

Он озабоченно наблюдал, как сменили тарелки, раздраженно прищелкнул языком, когда одну из мисочек поставили на стол не в ее черед. Наконец все стояло на столе, женщины чуть отступили назад, Патрон же произвел над

посудинами несколько заклинающих пассов, словно хотел придать блюдам особый вкус. Затем сделал знак жене, та наполнила из графина бокал гостя, а сам он аккуратно чуть передвинул несколько мисочек, для порядка.

– Стоит ли так затрудняться, – сказал Роберт, которого раздражали подчеркнутые старания о его физическом благополучии.

– Пусть про нас не говорят, – отвечал Патрон, – что мы позабыли добрые обычаи гостеприимства.

Он гулко стукнул колотушкой по столу, так что женщины вздрогнули, занял свое место во главе кортежа и с серьезным достоинством гордо удалился вместе с ними. Роберт неотрывно смотрел вслед маленькой процессии и облегченно вздохнул, только когда двери столовой закрылись. Тогда он взялся за вино, светло-розовое и слегка шипучее. Бокал он осушил одним глотком.

К еде, состоявшей из множества салатов и овощей, частью незнакомых, он отнесся без особого интереса. Все казалось ему на один вкус. Но поесть он поел.

Закончив трапезу, он был сыт, но не удовлетворен. В качестве подготовки к работе над Хроникой, веде?ние которой полагал одной из задач, поставленных Префектурой, решил коротко записать свои впечатления от города, а также точно рассказать об обеденной церемонии.

IV

Старые Ворота располагались на полпути между гостиницей и Фонтанной площадью.

Во второй половине дня, прежде чем отправиться на службу, Роберт поинтересовался, нет ли в гостинице плана города или проспекта о достопримечательностях. Однако Патрон покачал головой и только показал ему вход в подвал, куда в конце вестибюля продолжением винтовой лестницы вели не ступеньки, а круто уходящий вниз коридор. Эти пустующие подземелья соединялись с шахтами катакомб, тянувшихся всюду под городскими домами.

По словам Патрона, вообще-то нужна известная тренировка, чтобы ориентироваться в путаной, как лабиринт, однако вполне упорядоченной системе, тем более что на туннельных дорогах предусмотрено не слишком много общедоступных входов и выходов. Например, один коридор ведет непосредственно от гостиницы к Префектуре, а также к Старым Воротам, вернее внутрь Старых Ворот, и пользоваться им, а не улицами верхнего города по ряду причин гораздо выгоднее. Поскольку же населению в целом запрещено без особого распоряжения перемещаться из одной зоны в другую, никто толком не знает, что находится за пределами его собственного района. Справку могут дать только городские охранники, они носят на груди блестящую бляху и дежурят у подземных границ отдельных районов.

Роберт, который уже почти привык к своеобычному облику города и не пугался его странностей, решил больше не задавать прямых вопросов на сей счет. Намереваясь принимать странности как нечто вполне естественное, он отправился к Старым Воротам, сиречь к месту службы, подземным путем.

Впечатление, сложившееся у него ранним утром, когда он спешил по катакомбам возле Фонтанной площади, подтвердилось. Перекрещивающиеся каменные коридоры, где теснились комнаты за комнатами, склады за складами, бурлили жизнью куда сильнее, чем улицы верхнего мира и их развалины. Стоило привыкнуть к сумраку, как пропадал и ореол нереальности, витавший, точно патина, над людьми и предметами. Помещения, куда Роберт мог заглянуть в открытые двери или через раздвинутые шторы, говорили не только о нищете, но и о затхлой ее скаредности. Среди скудных пожитков обитателей редко встречались неповрежденные вещи. Отсутствующую ножку стола или стула частенько заменял поставленный на попа ящик, а на дощатых, кое-как сколоченных полках красовались в хвастливом порядке никчемные предметы: помятые жестянки, ржавые гвозди, детали инструментов, картонные коробки, большие и маленькие пустые пузырьки от лекарств, котильонные ордена, разбитые вазы. Весь этот хлам из чулана многих времен видом своим как бы претендовал на музейное собрание. Мужчины и женщины словно наглядеться не могли на эти бездушные вещи, глаза их горели алчным огнем.

В иных помещениях жильцы на корточках сидели на каменном полу, будто берегли стулья и скамейки, чтобы подольше обладать своим имуществом. Наморщив лоб, они порой задумчиво поднимали руку с вытянутым вверх указательным пальцем, точно видели наяву ожившие в памяти события. А не то люди, увлеченные игрой, сидели друг против друга, бросали кости и согласно

выпавшим очкам переставляли на доске цветные камешки. Роберт пока что не понял почему, но эти жилые каморки наводили на мысль о камерах гигантской тюрьмы. Временами издалека доносился сигнал – вроде звонка на перемену по окончании школьного урока. Следом по коридорам пробегал шумок беспокойства, этакое глухое ворчание, а вдобавок долетал топот множества ног. И опять все затихало, терялось.

Сосредоточенно шагая подземными дорогами, Роберт не мог избавиться от ощущения, что вызывает у обитателей подвалов растущий интерес. Поначалу его провожали взглядом лишь единицы, однако уже вскоре тут и там прямо-таки поджидали целые группы, перешептывались, жестикулировали, причем с плохо скрытой завистью. Кажется, и кулаки сжимали?

– Это он! – слышалось Роберту. – Летописец! Городской Архивариус! Новенький!

И они тыкали пальцами в воздух. Предупреждали, что его надо остерегаться?

Опустив глаза, Роберт прибавил шагу. И только когда заметил, что никто за ним не идет, сердце успокоилось. Может статься, от незнания задач новой своей должности он поддался соблазну и наблюдал слишком уж демонстративно. Хотя причиной тому не столько преждевременное желание вникнуть в привычки подземной жизни, сколько вполне понятное стремление познакомиться с этим миром, где ему предстояло решать свои задачи. Впрочем, он, вероятно, переоценивал свой пост, на который пока даже не заступил. Он был на пути к месту службы и только там, в помещениях Старых Ворот, узна?ет круг своих задач и обязанностей. В ближайшее время он, верно, будет одолевать этот путь от гостиницы до Старых Ворот каждый день, а потому окрестности утратят для него всякую новизну, да и местные вскоре потеряют к нему интерес. Вероятно, тут, где словно бы все друг друга знали, он, проявляя слишком заметный энтузиазм, дал повод счесть себя незваным пришельцем, даже соглядатаем, чьих доносов надо опасаться, ведь они чреваты неприятностями для их привычной будничной жизни. Однако в таком случае они превратно истолковали его намерения. У него и в мыслях нет докладывать властям хоть что-нибудь, что могло бы вызвать перемены в городском устройстве. Да, многое здесь казалось ему странным, и в городской системе он покуда разумел крайне мало, но полученные впечатления уже позволяли сделать вывод, что он имеет дело с весьма сложной целостной структурой, выстроенной по определенному плану, вплоть до мельчайших деталей. Поэтому он решил отбросить всякий личный критерий, всякое сравнение с традициями других мест и эпох и полностью

положиться на данность. Ведь за недолгое время, проведенное в городе, уже успел понять, что смысл раскрывается лишь при полном доверии к ситуации. Лишь это необходимо и оправданно.

Стало быть, эпитеты «новенький, летописец, хронист» могли ему попросту почудиться, мало ли о чем шептался народ. Ведь что уж в нем такого особенного, чтобы привлечь всеобщее внимание?

Приноравливаясь к остальным, Роберт шел неторопливым прогулочным шагом и про себя отметил, что люди, которые вновь сидели и стояли повсюду, внимания на него особо не обращали. Интересно, откуда у них столько свободного времени? Завести с кем-нибудь разговор он не смел, чтобы сызнова не попасть впросак, к тому же большинство, вероятно, говорит на местном диалекте, как и Мильта.

Вот и пойми, правильно ли он истолковал жест молодого человека, который вроде как позвал его в ближнюю боковую комнату. Может, тот просто сделал знак своим спутникам, которые вместе с ним рассматривали освещенную фонарями фреску на стене. Роберт счел за благо пройти мимо. И опять не мог избавиться от ощущения, что здесь разыгрывается театральная пьеса, где каждый играет свою роль и только ему одному неизвестно, кто он – зритель или действующее лицо.

Кажется, он заплутал? Неужто прозевал выход к Старым Воротам? Ход расширился, образуя продолговатую площадь. Кучка мужчин толпилась в ожидании возле отгороженного помещения, где множество людей в пыльных халатах брили клиентов, стригли им волосы или ногти. Двигались брадобреи и парикмахеры деловито, проворно, ни на миг не прерывая работу, но очереди конца-краю не было. Впору подумать, что те, кто вот только что навел красоту, снова становились в очередь, прогулявшись разок-другой по площади и хмуро ощупав ладонью щеки и подбородок, будто там успела отрасти новая щетина.

Многие достали из карманов газеты, развернули и принялись нетерпеливо просматривать грязные, надорванные страницы. Жирный шрифт заголовков сообщил Роберту, что газеты эти из самых разных стран мира – польские, русские, немецкие, итальянские, французские, английские. А поскольку в нем тоже проснулось желание узнать последние новости, он краем глаза заглядывал то в одну газету, то в другую. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что все это сплошь выпуски недельной и многомесячной давности, а иные даже

более чем годичной. Но интерес читателей от этого ни в коей мере не убывал, они увлеченно читали свои пожелтевшие газеты и берегли их как редкостное сокровище. За чтением кое-кто из мужчин подчеркнуто шевелил левым мизинцем, ведь его украшал длиннущий, тщательно отполированный ноготь, а они чрезвычайно гордились этим ногтем, точнее когтем (ему не помешал бы защитный футляр!), так как он наглядно доказывал, что им нет нужды заниматься обычным физическим трудом.

Роберт, который от усталости машинально примкнул к ожидающим, вздрогнул, услыхав:

– Попрошу ваше удостоверение!

По блестящей нагрудной бляхе он распознал в вопросчике городского охранника. Серое лицо, возраст определить невозможно. Роберт предъявил выданный Префектурой пропуск. Охранник козырнул.

– Не рекомендую это заведение, – сказал он. – В вашем случае лучше бы вызвать парикмахера на дом.

Роберт, остановившийся тут вовсе не ради стрижки, с улыбкой кивнул:

– Разумеется! – А затем, пользуясь случаем, спросил у охранника про выход к Старым Воротам. Тот ответил, что выход совсем недалеко, и сей же час предложил проводить его.

Но Роберт вдруг вспомнил об Анне и от про?водов отказался. В этот миг ему показалось, что убедиться, вправду ли Анна здесь, в городе, куда важнее знакомства со служебными помещениями. Мысль об Анне придала ему новый импульс.

– Как мне пройти в район Фонтанной площади? – взволнованно спросил он.

– Район начинается вон там, – ответил охранник через несколько шагов, указывая на широкий каменный проем. – На развилках держите все время вправо. Тут близко, стадиев шесть.

Роберт, будто наконец осознав подлинный смысл и цель своего пребывания в катакомбном городе, твердым шагом пошел прочь, только бросил беглый взгляд через плечо и кивком поблагодарил охранника за информацию. Лишь задним числом до него дошло, что, говоря о расстоянии, охранник выбрал древнегреческую меру длины, которая давным-давно вышла из употребления. Занятно, подумал он. Но уже улыбался в ожидании Анны.

В лицо повеяло свежим ветерком. Задувало из маленькой боковой шахты, выходившей в пустые подземелья какого-то квартала. Роберт пошел туда и очутился посреди подвалов, чьи голые каменные стены без потолка торчали из развалин прямо в воздух. Из глубины синева неба казалась еще ярче, чем с улиц верхнего города. И вроде как слегка чувствовался ледяной холод космического пространства над землей.

Чисто выметенные помещения, соединенные друг с другом широкими проемами, напомнили ему систему сот, такую же, какую образовывали рабочие места чиновников во дворах Префектуры. Только здешние выглядели необитаемыми. На соседней стене еще проступали весьма хорошо сохранившиеся остатки росписи, фризом тянувшейся по периметру.

Роберт хотел было присмотреться к этой стене, но вдруг услышал оживленные голоса и приближающиеся шаги. В вошедших он узнал группу молодых мужчин, которая недавно разглядывала фреску. Они и здесь немедля устремились к росписям, причем тот, кто давеча подал Роберту знак, отделился от своих спутников и направился к нему. Он слегка приволакивал левую ногу, и Роберт узнал в нем друга своей студенческой юности.

– Привет, Линдхоф!

– Привет, Катель!

Они обменялись рукопожатием. Катель, как и прежде, то и дело резко мотал головой, отбрасывая назад гриву темных волос.

– Ты тоже здесь? – Катель сочувственно улыбнулся. – Что ж, Линдхоф, старина, так уж оно происходит! Я рад, что мы снова встретились. Мне еще раньше показалось, что это ты, но ты не обратил внимания.

– Знай я, что это ты…

– Да ладно, пустяки, – перебил Катель, – здесь встречи не редкость.

– В последние годы мы потеряли друг друга из виду, – сказал Роберт, окидывая взглядом друга юности, – но ты почти не изменился.

В самом деле, лицо у Кателя до сих пор было узкое и нежное, а серые глаза в этот миг сияли из затаенной глубины с той же доверчивостью и готовностью к восторгу, что помнились Роберту по тем временам, когда он целый год жил бок о бок с другом. Только вокруг рта пролегла горькая складка, раньше ему несвойственная. Одевался Катель, как заметил Роберт, все с той же небрежной светской элегантностью, хотя вечно сидел без денег. Когда Роберт, бывало, корил его за шикарные костюмы, он неизменно отвечал, что людям незачем знать о его отчаянном финансовом положении, лучше уж влезть в долги или голодать. Нередко он со снисходительным видом этакого испанского гранда оставлял царские чаевые, выкладывая последние деньги, даже до дому доехать было не на что. Потом он неделями питался в мастерской жиденьким супом да черствым хлебом. Возможно, этот внешний аристократизм скрывал от посторонних внутренние неурядицы и подчеркивал в ребячливом лице несбывшиеся надежды.

– Как твоя рука? – спросил Роберт.

– Совсем ослабела, – ответил Катель, – в конце концов и кисть держать не могла. Но я уже привык работать левой рукой. Ведь, по сути, картину пишет не рука, а голова.

Это замечание художника Роберт оставил без внимания.

– В последнее время, – сказал он, – я почти не интересовался выставками. С головой ушел в уединенный мир своих исследований, и, наверно, зря.

– Да ладно, – художник равнодушно отмахнулся, – извиняться незачем. Мои прежние работы так и так остались в прошлом.

Роберт напомнил о картинах, что создавались у него на глазах.

– Надо же, не забыл. – Художник отбросил волосы назад и задумчиво потер пальцами лоб. – Нет-нет, это были незрелые пробы, только теперь я нащупываю суть, теперь, когда уже слишком поздно.

– Слишком поздно? – повторил Роберт. – Можно ли этак говорить? Тебе же и тридцати пяти нет!

– Ну, ты ведь знаешь… – как бы невзначай обронил Катель. В его глазах сквозили печаль и вроде бы внезапный испуг; как припомнил Роберт, он и раньше примечал у друга такое выражение.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросил Роберт, меняя тему.

– Надеялся дописать еще одну картину, но здесь мне поручено реставрировать фрески. Действовать необходимо крайне осторожно, чтобы не напортить. Помнишь, раньше я использовал золотой грунт, и вот теперь обнаружил, что старые мастера использовали сходный метод. Здешние росписи частью относятся к глубокой древности. Но… – Катель взял Роберта за плечо, немного прошелся с ним туда-сюда. – Но тебя-то как сюда занесло?

– Занесло? – Роберт фыркнул. – Я последовал приглашению вашей Префектуры, которая, как я с удивлением узнал, назначила меня городским Архивариусом.

– Ого! – Художник замер, невольно отдернул руку и сделал шаг назад. – Вот оно что. Ты приехал к нам как Хронист! Ну-ну. – Катель умолк.

– Что тебя удивляет? – спросил Роберт, от которого не укрылась перемена в поведении друга.

– Вот оно что, – повторил Катель, испытующе глядя на Роберта.

– Тут есть что-то особенное? – спросил Роберт.

– Ну, по крайней мере, отнюдь не заурядное и… миссия ответственная, – добавил Катель, который успел взять себя в руки. – Раз ты теперь новый Хронист и городской Архивариус, то, стало быть, и мой начальник, ведь я и моя работа в твоем подчинении.

Роберт, усмотрев в этом повороте объяснение внезапному испугу Кателя, сердечно хлопнул его по плечу:

– Насчет этого можешь не беспокоиться. Я пока не в курсе своих должностных задач и охотно приму твою помощь. К тому же неизвестно, выдержу ли я испытательный срок и не отошлют ли меня в скором времени восвояси.

– Н-да, – задумчиво обронил художник, – могут, конечно, и отослать, в твоем случае такое не исключено. Кое-кто, верно, даже обрадуется, только не я.

Хотя Роберт искренне старался вернуть разговору легкость первых минут встречи с другом, ничего не получалось. Катель не выказывал недоверия, в нем чувствовалась некоторая почтительная холодность, преградой воздвигшаяся меж ними.

Катель представил нового Архивариуса своим спутникам, и те – среди них были и иностранцы – сдержанно приняли его в свой круг. Разговор пошел о деталях фресковой росписи этого помещения, реставрация которой была одной из ближайших задач Кателя.

– Мы сообща обсуждаем предстоящую работу, – пояснил художник Роберту, – ведь она потребует долгого времени, а меня самого власти могут досрочно отозвать. На сей случай коллектив должен вполне владеть моей методикой, чтобы каждый мог продолжить работу без ущерба для искусства.

Когда группа разошлась по подвалу, намереваясь перенести на картон те или иные размеры, Роберт отвел друга в сторонку.

– Ты лучше меня знаешь этот город, – сказал он. – Дело в том, что я ищу одного человека, судя по всему находящегося тут, это женщина, жена хирурга, некоего доктора Мертенса. Здесь ли ее муж, я не знаю, думаю, вряд ли, поскольку они разводятся. Мой отец, которого я встретил сегодня утром, – по-моему, Катель, ты с ним знаком не был, но, наверно, помнишь, что он адвокат, – представляет госпожу Мертенс на бракоразводном процессе. Потому-то мне очень важно ее повидать. Может, ты знаком с ней и знаешь, где она живет или где ее можно найти.

– Я не знаю госпожу Мертенс, – сказал художник.

– Что ж, нет так нет. Хотя вполне мог бы знать, ведь она всегда интересовалась искусством и, вероятно, знает твое имя.

– Я ее не знаю, – повторил Катель, – во всяком случае, по имени. Может быть, с виду… но тебе это не поможет.

– Извини, что отнял у тебя время, – сказал Роберт. – Надо было сразу позвонить в адресный стол Префектуры и там навести справки. У меня, – добавил он в ответ на удивленный взгляд друга, – есть право пользоваться телефоном.

– Да, конечно, право у тебя есть, – подтвердил художник, и в его тоне Роберту опять почудилась отстраненность. – Но поскольку тебе неизвестен ее номер, ты вряд ли сумеешь выяснить что-либо о госпоже Мертенс таким способом.

– Разумеется, у меня есть телефон Префектуры! – с досадой воскликнул Роберт. – Хоть он и засекречен. Секретарь мне его записал.

– Не сомневаюсь, – спокойно отозвался художник. – Но я имею в виду личный номер госпожи Мертенс. Власти регистрируют людей не по именам и фамилиям, а по номерам прибытия. И потому, располагая только именем, ничего не добьешься. Вот смотри, – с этими словами Катель левой рукой расстегнул рубашку и вытащил металлический жетон, висевший на шнурке у него на шее, – вот, к примеру, мой, под которым в муниципальной документации зарегистрированы мои личные данные, предыстория, деятельность, местожительство и все прочее.

Художник аккуратно спрятал жетон и застегнул рубашку; Роберт не сказал ни слова.

– А почему мне не выдали личный жетон? – наконец медленно проговорил он, обращаясь, в сущности, не к Кателю, а к самому себе.

– Еще успеют, попозже, – помолчав, сказал художник, – как только ты достаточно тут освоишься и власти перестанут считать твое пребывание временным визитом. Впрочем, возможно, это всего лишь недосмотр Префектуры.

Роберт прикусил нижнюю губу.

– Короче говоря, мне остается только уповать на новую случайную встречу с госпожой Мертенс.

– Она знает, что ты здесь? – спросил художник.

Роберт уклончиво подтвердил, не вдаваясь в подробности утренней встречи.

– Если она знает, что ты здесь, – продолжал Катель, – тебе незачем полагаться на случай. Можешь твердо рассчитывать, что она устроит новую встречу.

– А вдруг у нее есть причины избегать меня? – возразил Роберт.

– Не важно, – сказал художник, – ей и тогда не избежать встречи с тобой.

Роберт недоверчиво взглянул на него.

– Разве мы не встретились второй раз, хотя при первой встрече ты не пожелал меня узнать?

«Да нет же…» – хотел возразить Роберт, но подумал об Анне и о том, что утром не узнал ее или сам не пожелал быть узнанным, а потому промолчал.

Разговор принял такой оборот, что он странным образом как бы пасовал перед другом. При воспоминании о временах давней дружбы ему казалось, будто за все минувшие годы он сам ничуть не продвинулся вперед, тогда как друг обрел зрелость и уверенность, какими он пока похвастаться не мог. А ведь они почти ровесники. И дело не только в знаниях, но и в манере по-хозяйски обращаться со знаниями, которые все упрощали. То же самое Роберт чувствовал по ходу бесед в Префектуре и, до некоторой степени, в поведении гостиничного Патрона. Тут есть какая-то общность атмосферы, ощущавшейся и в учреждениях и событиях этого города, в котором он был чужим, но который все больше его завораживал.

– Барахтаюсь как рыба в сетях, – сказал он Кателю.

– А чем плохо? – заметил художник, и голос его звучал в этот миг вполне сердечно. – Такое состояние не просто изображает свободу, но еще и допускает

возможность выскользнуть из него через ячейку – в подлинную свободу. Пошли, Линдхоф. Ты же собирался на Фонтанную площадь? Пройдем через открытые подвалы, это не крюк.

Художник деликатно позволил Роберту идти справа. Оба молча шли через помещения, которые полями разбитых стен лежали глубоко в земле под открытым небом, как вдруг Роберт остановился, изумленный представшим глазу зрелищем.

Посреди четырехугольника, образованного голыми стенами, перемежающимися только широкими дверными проемами, колыхалась людская масса: множество женщин боязливо сновали туда-сюда, порой ненадолго замирая, погруженные в какое-то безмолвное, сосредоточенное действо. Эти несчетные женщины, толпившиеся здесь и в соседнем помещении, были, пожалуй, разного происхождения и разного возраста. Куда ни глянь – всюду они доставали из шкафов и комодов хорошо знакомые вещи, должно быть шали и белье, разглаживали их руками, а затем снова укладывали в сундуки и комоды, причем заботливость, с какой они это делали, совершенно не вязалась с незначительностью самого занятия. Ведь, меж тем как они, размеренно кивая головой, принимались пересчитывать свое добро, в руках у них ничего не было – они лишь притворялись, что наводят порядок. И мебель тоже существовала только в их воображении. Однако воспоминания о привычном, но утраченном жизненном укладе были настолько ярки, что им вправду казалось, будто они выдвигают ящики, открывают и закрывают шкафы, состоящие из воздуха, из пустоты.

На лицах у них читалась до предела напряженная, нерушимая сосредоточенность. Временами они озабоченно качали головой, словно что-то не так или недостает какой-то вещицы, а потом, видимо сообразив, куда ее переложили, с победоносной улыбкой извлекали пропажу из укромного тайника. Вот так они, то и дело удостоверяясь в сохранности, своего мнимого добра, большого ли, малого ли, удовлетворенно оберегали воображаемые пожитки, и скаредность стояла на страже их богатства.

Порой они протягивали друг другу ту или иную вещицу, ощупывали ее, определяя добротность или изношенность, и откладывали в новые кучки. Кое-кто сидел на полу, вроде бы вдевал нитку в иголку и стежок за стежком шил белье, которого нет. Но они проверяли подгибку и шов, периодически со вздохом немного отдыхали, разгибая скрюченные пальцы, и снова с удвоенной энергией

продолжали свое занятие, поскольку запасам и работе не было конца-краю. При этом в движениях у всех – и у тех, кто перебирал и рассматривал вещи, и у тех, кто шил и чинил, – сквозило что-то танцевальное, все словно бы знали, что разыгрывают пантомиму. Ведь они безмолвно общались друг с дружкой – взглядами, которые выдавали некий лукавый сговор, точно воры, норовящие спихнуть с рук чужое добро. Однако ж добро, несомненно, принадлежало им, они владели этой собственностью с тех пор, как она перешла к ним из сундуков и кладовок родителей и дедов и бабок или ею обзавелись они сами да еще и приумножили, чтобы позднее передать наследникам. Вот почему в их деловитости, сколь она ни противоречила любой практической цели, чувствовался этакий неизбывный императив. Размеренная деловитость, с какой повторялись все движения, поочередность вековечных действий, хотя уже только мнимых, соединяли тягостность и тщетность будней в абсолютную картину.

У Роберта, который был не в силах даже на секунду оторвать взгляд от этих женщин, вновь возникло ощущение, что если они вообще отдают себе отчет в его присутствии, то смотрят на него сверху вниз, с превосходством. Только когда он наконец оглянулся на Кателя – стоя в углу, тот быстрыми штрихами набрасывал эту картину в своем альбоме, – ему подумалось: может быть, и Анна находится в одной из этих групп?

Но в этот миг, как утром в большой столовой, поблизости грянул сигнал будильника, который вывел женщин из их деятельного транса. Они проворно привели в порядок свое воображаемое добро, еще раз окинули его пристальным взглядом и удалились, спокойно, без всякой толкотни.

Едва заметная, висела над пустым четырехугольником дымка сумерек. Небо пока что не потемнело, только синева чуть потеряла в насыщенности, зато набрала блеска, будто солнечный свет пропитывал ее тем больше, чем ниже солнце клонилось к горизонту.

Катель захлопнул альбом.

– Урок окончен, – сказал он, будто Роберт прекрасно понимал, о чем речь.

– Может, среди них была и Анна? – спросил Роберт и даже не заметил, что, назвав госпожу Мертенс по имени, выдал другу, в каких они отношениях.

Но художник отвечать не стал, через последние открытые подвалы вывел Роберта к каменному коридору и сказал, что ему надо следовать указателю «К-1», тогда он непременно выйдет на Фонтанную площадь. На прощание Катель обещал вскоре заглянуть к Роберту на службу, в Старые Ворота. Заходить в гостиницу он отказался.

V

Сидя в кресле у себя в номере, Роберт заложил руки за голову, откинулся назад и смотрел, как две восковые свечи на столе спокойно струят свой свет.

Когда распрощался с Кателем и быстро добрался до знакомых помещений подземного города, он таки побывал на Фонтанной площади. В Трапезную заходить не стал. Пресный запах еды, проникший в коридоры, наводил на мысль, что старики опять теснятся подле своих дымящихся мисок. Нишу с чемоданами он тоже нашел. Немного постоял на том месте, где последний раз видел Анну, в надежде, что волшебством своего желания сумеет призвать ее сюда. Но Анны нигде не было видно, ни здесь, ни на свободной площадке у фонтана, который, как и рано утром, окружало хрустальное облако сумерек.

Как и утром, он прислонился к краю каменной чаши, слушая ровный плеск струящейся воды и скользя взглядом по площади, быстро тонущей в вечерних тенях. Окрестности хотя и казались менее странными, нежели на рассвете, но, чтобы встретить Анну, надо будет завтра прийти сюда в тот же ранний час, что и сегодня.

Вряд ли его ждут на службе в это время, так что приступить к работе он не опоздает. Пророчество Кателя, что Анне не избежать новой встречи с ним, похоже, оказалось ложью. Хотя, может статься, он не имел в виду непосредственно этот день, непосредственно ближайшие часы, как в своем беспокойстве вообразил Роберт.

В горле пересохло, и, чтобы набрать воды и напиться, он подставил под фонтанную струю сложенные ковшиком ладони. Глоток не освежил, поэтому он наклонился и поймал струю ртом. Фыркая, отпрянул, утер носовым платком брызги с лица и очков и в конце концов, руководствуясь больше чутьем, нежели

знанием, зашагал по безлюдным улицам в направлении гостиницы. Единоборствуя с быстро густеющей тьмой, дневной свет перед глазами мерцал и искрился. И Роберт мог различить лишь неясные контуры низкого здания, примыкающего к пилону мощной арки ворот. Толстые ставни закрывали окна, расположенные довольно высоко над землей. Широкий арочный проем перегораживала двойная решетка, так что улица изгибалась и вела мимо пристройки. Без сомнения, перед ним были Старые Ворота. Он медленно прошелся вокруг, тщетно высматривая вход в этот флигель. Поскольку же для визита все равно было слишком поздно, он продолжил путь. Искусственное освещение на улицах, похоже, отсутствовало, а если и существовало, им не пользовались. Только над дверью гостиницы горела свеча в синем подвесном стакане.

У себя в номере он нашел короткую вежливую записку от Патрона, что его-де тщетно дожидались к ужину, но оправдали предполагаемой занятостью по службе, а кроме того, ему приготовили весьма щедрую трапезу. Хлеб и фрукты в охлажденных контейнерах и графинчик с вином. Печатная табличка предупреждала постояльца, что электрическое освещение номеров всегда отключают через час после захода солнца, однако в распоряжении гостя имеются свечи. Роберт охотно попросил бы Мильту, старую служанку, разбудить его на рассвете. Но гостиница точно вымерла, нигде ни лучика света. Видимо, все уже отправились на боковую.

И вот теперь Роберт сидел, глядя на живые огоньки свечей, они, потрескивая, тянулись вверх. Потом достал из уже доставленного чемодана необходимые для ночлега вещи и, едва положил голову на подушку, мгновенно уснул.

Проснулся он, когда в комнате было по-утреннему светло. Торопливо оделся, с досадой спросил у Патрона – тот собрался куда-то идти, и они столкнулись в вестибюле, – который час.

– Середина утра, – ответил Патрон.

– А женщины уже ходили к фонтану за водой? – поинтересовался Роберт.

Патрон сообщил, что это время, пожалуй, аккурат миновало. Кстати, высокие гости обычно завтракают у себя в конторе или в кафе по дороге. Он слегка приподнял шляпу и покинул гостиницу, оставив входную дверь открытой.

Время, когда была надежда встретить Анну, Роберт упустил, а потому решил наведаться в Старые Ворота и выбрал путь через нижний город. На сей раз он не обращал особого внимания на жизнь и занятия людей, неотличимые от вчерашних, и неподалеку от подземной площади Брадобреев обнаружил проход к лестнице, чьи ступени полого уходили вверх. Освещенная фонарем, она заканчивалась у пилона под широкой аркой ворот, решетки которых сейчас стояли настежь. Напротив лестницы была узкая дубовая дверца в богатой резной раме. Роберт постучал в нее латунным молотком, что висел рядом. Немного погодя ему открыл пожилой чиновник в скромном, без украшений, форменном халате с широкими рукавами, напоминающем монашескую рясу. Он с серьезным достоинством приветствовал Архивариуса и по короткой лесенке провел его в каменную переднюю. Оттуда они прошли в длинную комнату, устланную разноцветными циновками. Сложенные из массивных тесаных плит сте?ны с расширяющимися вовнутрь оконными проемами обеспечивали приятную прохладу и мягкий рассеянный свет.

Чиновник, несомненно уведомленный Префектурой, подвел Роберта к большому письменному столу, стоящему торцом к окну, а сам удалился, чтобы дать Архивариусу время освоиться. Во многих местах от каменного пола до потолка в стены были встроены высокие шкафы, где стояли вручную переплетенные в свиную кожу или пергамент фолианты, в том числе каталоги, помеченные буквами и цифрами. Два письменных стола средних размеров, заваленные бумагами, конторка, тележка для книг, низкие стулья и подушки для сидения заполняли помещение, оставлявшее впечатление покоя и уединения.

Чиновник тем временем принес поднос с завтраком и пригласил Архивариуса к столу. Состоял завтрак из простой пшенной каши, какой питался и вспомогательный персонал Архива. Пока пожилой чиновник – он представился как Перкинг – в осторожных формулировках, свидетельствующих об опыте и сдержанности, рассказывал про устройство Архива и про его сотрудников, Роберт разглядывал его умное лицо с мелкими морщинками вокруг глаз и тонкими бровями.

– Здесь постоянно трудятся двенадцать ассистентов, – разъяснял Перкинг, – которым до?лжно обеспечивать деятельность Архива. Исполняя свои обязанности, мы сменяем друг друга так, что работа не прерывается ни на минуту, ни днем ни ночью. Ведь, если вдруг поступит запрос из Префектуры, Архив должен быть всегда готов безотлагательно дать соответствующую справку. Кроме того, ежедневно поступают новые бумаги, тексты и документы,

каковые надлежит не только зарегистрировать, но и тотчас же классифицировать согласно их содержанию или заменить ими уже имеющиеся. Упущенный день, да что там – упущенный миг наверстать невозможно.

– Понимаю, – кивнул Роберт, но думал он об Анне и о своих отношениях с нею.

Хотя эта деятельность – примерно так выразился ассистент Перкинг – предполагает и использует духовные способности, в истории человечества она, конечно, участвует лишь в скромном масштабе и не может считаться сколько-нибудь значительной в сравнении с мудростью, с какой законодательное руководство Префектуры управляет всем комплексом города-государства. Ассистенты Архива, несмотря на то что положением отличаются от обычного населения, тем не менее всего лишь ассистенты, выполняющие указания более высокой власти.

– А моя задача? – в конце концов спросил Роберт.

– Как начальник Архива, – любезно ответил чиновник, – вы можете быть благонадежны, что каждый из нас сознает ответственность, какую возлагает на него дух Архива. Смею даже сказать, что мы – сотрудники верные и испытанные. Можете на выборку убедиться, что за текущими делами мы не упускаем нашей главной работы.

– Господин Перкинг, – сказал Роберт, – буду весьма вам благодарен, коли вы поможете мне вникнуть в означенные материи.

Бегло улыбнувшись, ассистент указал Роберту на обширную картотеку, размещенную на письменном столе, в стойке с выдвижными ящиками.

– Вот это – фундаментальное Наставление по использованию Архива, – сказал он, – плод многолетних трудов нашего Мастера Готфрида, вашего предшественника. Сей титул Архивариусы обычно получают после определенного испытательного срока… и вас, господин доктор, в свое время пожалуют званием Мастера Роберта. Ну а в Наставлении найдется соответствующее разъяснение по любому вопросу, а также отсылы к шифрам справочных томов и к местоположению обработанной или еще обрабатываемой литературы, в том числе материалов на пластинках. Если нам, ассистентам, картотека почти не требуется, ведь мы на практике до тонкости изучили

структуру и состояние Архива, то новичку она облегчает жизнь, ибо таким образом он может освоиться у нас без посторонней помощи.

От Роберта не укрылся намек, что ему до?лжно полагаться лишь на себя, и теперь он слушал ассистента, не задавая вопросов. А Перкинг продолжал:

– Если учесть, что здесь хранится духовное наследие пусть и не всей планеты, но, во всяком случае, евразиатской ее части, причем собранное за сотни и даже за тысячи лет… по сути, начиная с тех пор, как смертные придумали письменность… и оно не иссякает, а только множится, можно прямо-таки подумать, будто его не вместит ни хранилище Старых Ворот – а в этом хранилище, кстати, немало глубоких подвальных ярусов, – ни вообще какой-либо архив на свете. Да-да, как я вижу по вашим удивленным глазам, сей факт можно бы счесть утверждением безумца или одержимого манией величия, особенно если я добавлю, что подавляющее большинство наших рукописей представляет собой литературу малоизвестную и слывущую утраченной. Но мы не фантасты, хотя поневоле занимаемся и фантастикой, как и всякой мудростью, присущей человекам. Не в пример библиотекам и научным институтам всего мира, где хранят все случайно собранное независимо от того, используется оно или нет, в нашем Архиве все новые поступления автоматически подвергаются классификации и просеиванию на предмет содержательности идей. Творческих идей не настолько много, чтобы они не бросались в глаза как небесные созвездия. Масштабы и объем духовной субстанции исчислены природой точно так же, как песчинки на земле. И запас песчинок, и запас идей нельзя ни увеличить, ни уменьшить. Различны лишь формы, в каких они являются, колеблется лишь интенсивность, с какой происходит возобновление той или иной идеи.

– Если я правильно понимаю, – сказал Роберт, – здесь собрано все существенное из когда-либо задуманного людьми и записанного на их языках, то есть совокупность всех истинных преданий. Кладезь духа и западня!

Перкинг приподнял левую руку, так что стала видна красная шелковая подкладка широкого рукава. Указательный палец ассистента смотрел вверх, он словно хотел изобразить в воздухе какой-то знак, но только повторил:

– Кладезь духа и западня! Как метко сказано! Достойно самого Курцико. – Он медленно опустил руку и продолжил: – Отношение человека к обыденности, любви, смерти, к начальству, истине и божественному закону, как вам известно,

подчинено устойчивым ритуалам, в том числе и в смысле выражения. Точно волны, они ритмически повторяются во временно?й целостности. Они всегда – Сейчас, то бишь настоящее. Тот, кто однажды обрел перспективу, видит соответствия отдельных периодов и вклада народов. И тогда выясняется, что любая запись, будь то песня, идея, изображение или описание, имеет свое отражение и образец в духовном пространстве. Новое не всегда превосходит старое силой и глубиной. Это облегчает нашу задачу. Однако я утомляю вас сведениями, которые для вас, ученого, комментариев не требуют.

– С чем бы и с кем бы я здесь ни сталкивался, – сказал Роберт, – я всякий раз извлекаю урок. Так было со мной уже в Префектуре, когда я слушал Верховного Комиссара.

– Верховный Комиссар, – тут ассистент Перкинг почтительно склонил голову, – один из великих на этой земле. Что? мы, ассистенты, рядом с ним?

– Будьте добры, – сказал Роберт, – расскажите мне побольше об Архиве.

– Его суть можно обрисовать лишь в общих чертах, – снова заговорил Перкинг. – Конечно, в трудах философов, поэтов, ученых наблюдателей он содержит совокупность прошлого, но к этим фундаментальным идеям творческого процесса на земле в неменьшей степени примыкают и все письменные свидетельства, запечатленные кем угодно в письмах, дневниках, посмертных рукописях и записках, коль скоро в них, – эти слова старый ассистент особенно подчеркнул, произнеся их с расстановкой, – коль скоро в них человеческая судьба представлена как пример судьбы космоса.

Роберт довольно долго молчал, однако же неотрывно смотрел старому ассистенту в глаза.

– Только вот, размышляя обо всем об этом, – наконец проговорил Роберт, – я задаю себе вопрос, какая инстанция вправе и в состоянии судить, имеет ли некое свидетельство ценность или нет. Если не ошибаюсь, речь здесь идет о бессмертии, о нетленности. – Не обращая внимания на почтительные кивки ассистента, он с живостью продолжил: – Каждый, кто относился к своей работе серьезно, отдавал ей все силы, всю жизнь. Одно производит воздействие сию минуту, но в ходе времен утрачивает яркость. Другое же, для современников незначительное или туманное, потомки гордо превозносят.

– Все написанное, – учтиво вставил ассистент, – претендует на долговечность. Фиксирует данный момент. Однако можно полагать общеизвестным, что зачастую пишущим движут воля, честолюбие, желание показать себя, а порой – безотчетное стремление приобщиться к восторгу жизни, жажда высказаться, аффект или накопление знаний. Личное, субъективное бессмертным не бывает, а если бывает, то лишь кратковременно. Только когда устами человека глаголют властные силы, слова его раскрывают свой творческий потенциал. Лишь анонимное обладает неким бессмертием. Но есть ли человек орудие добрых или злых сил, сосуд божественного или демонического, познанию смертного недоступно. Современники, господин доктор, охотно предаются на сей счет иллюзиям, да и умозаключения потомков не всегда справедливы. И все же… есть инстанция, решающая, что? необходимо сохранить и на какой срок. Одна-единственная ответственная инстанция, где вы сейчас и находитесь: Архив.

– Абсолютная инстанция, – сказал Роберт с оттенком сомнения, – справедливо решающая о бессмертии любого творческого результата?

– Она действует органично, – поправил старый ассистент. – Точно так же, как Префектура властвует эффективностью и продолжительностью человеческой судьбы.

– Ах! – коротко вырвалось у Роберта, он взволнованно прошелся по комнате, остановился и сказал: – Что? в этом мне, приглашенному Архивариусу! Я никогда не рискну вынести перед историей подобный приговор.

– Это не пристало ни вам, ни нам, ассистентам, – тихо ответил Перкинг. – Приговор выносит себя сам. Он изначально заключен во всяком деле – как судьба в человеке. Подобно тому, как суд вершит не Префект, но Префектура, так и в нашей сфере решает не Архивариус, но Архив.

– Однако что значит – Архив! – вскричал Роберт. – Неужели существует одна только механика безличного?

Сжав в карманах кулаки, он вызывающе стоял перед Перкингом. Тот провел ладонью по своей хламиде, словно хотел непременно смахнуть какую-то пылинку, и сказал:

– Каковы планы Префектуры касательно вашего назначения начальником Архива, никому из нас, ассистентов, знать не дано.

Роберт попросил прощения за свою резкость. Перкинг, оставив его извинения без ответа, заговорил о том, как сложно объяснить суть инстанции, которая стороннему человеку на первый взгляд явно кажется непостижимой. Но, как он только что упомянул, приговор выносится сам собой, благодаря особому характеру каждого документа.

– Мы, ассистенты, – продолжал Перкинг, – лишь обеспечиваем его исполнение. Опусы, недостаточно проникнутые живым духом, бракуются, то есть рассыпаются в прах, причем без нашего участия. Правда, иной раз мы можем ускорить этот процесс, как обычно и поступаем с демагогическими трактатами и литературной продукцией, преследующей дешевые сиюминутные цели. Тем быстрее безрассудно растраченные помыслы и чувства могут вернуться в состояние исходного материала, вновь освободиться, но не раньше, чем пройдут сквозь чистилище. Ведь им тоже необходимо очищение. С другой стороны, мы сохраняем и некоторые устрашающие образчики духовного заблуждения и человеческой самонадеянности. И поступаем мы так затем, чтобы пригвоздить к позорному столбу глупость и беспардонную закоснелость, эти два бича человечества. Ведь… – старый ассистент наклонился к Роберту поближе, – ведь исконный враг правды не ложь, а глупость.

Перкинг подошел к одному из письменных столов, заваленному множеством рукописей.

– Как раз тут, среди поступивших вчера бумаг, мне попалась фраза, иллюстрирующая эту точку зрения. Я нашел ее в дневнике мужчины, который никогда в жизни ни строчки не публиковал; он служил в конторе какого-то предприятия, жил скромно и втихомолку размышлял. Вот послушайте.

Роберт вместе с ним смотрел на страницу, и ассистент прочитал вслух:

– «Я не верю в бессмертие души, зато верю в бессмертие глупости. Когда-нибудь от нашей Земли ничего не останется, а на ее месте в космическом пространстве еще долго будет кружить туманное пятно: испарения всей человеческой глупости, начиная от Адама».

– Неплохо сказано, – похвалил Роберт, – хотя без последних трех слов обобщение было бы еще шире. В целом типичный сарказм поздней эпохи.

– А вы разбираетесь, – уважительно заметил ассистент.

Он предложил Роберту осмотреть Архив и заодно познакомиться с остальными сотрудниками. Как и сам Перкинг, ассистенты в большинстве были мужчины в годах, с седыми волосами, с умным, сведущим взглядом, который быстро скользил по фигуре Роберта и тотчас уходил в безмерную даль, где они витали, читая и делая записи. Одни за работой сидели на корточках, другие опирались на конторку. Их позы и движения отличались спокойной гармоничностью и говорили не об усталости, а скорее о благодетельной терпеливости.

Помещения Архива располагались большой частью в подземных этажах, куда вела винтовая лестница. Перкинг приглушенным голосом давал Роберту пояснения касательно работы ассистентов, заключавшейся в классификации, сохранении и ликвидации.

– Нашего Мастера Мага, – сказал он, – хранителя печати секретных документов, который обитает в самом глубоком подземелье Архива, вам лучше навестить в другой раз.

В залах всех семи ярусов, широкими пещерными ходами пробитых в земной тверди, высились стройные ряды фолиантов, папок, книг и свитков – свидетельства минувшего, предания, заповеданные настоящему. Молодые служители в форме посыльных стояли в ярко освещенных помещениях на страже мировых духовных запасов, по которым Роберт скользил благоговейным взглядом. В иных залах он невольно отметил поистине несметное количество китайских и тибетских манускриптов, эллинистические и римские памятники и те значительно уступали им числом. Например, здесь было невесть сколько трактатов о жизненной силе дао. Однако вдаваться в подробности сейчас нет времени. Ведь это всего лишь короткая экскурсия, чтобы новый Архивариус более-менее составил себе впечатление.

– Какие сокровища! – сказал он, вновь поднимаясь с Перкингом по стоптанным ступеням винтовой лестницы. – Какая жизнь после смерти!

– Коли вы, господин доктор, пожелаете полностью переселиться к нам, – рассудительно заметил ассистент, – то, помимо кабинета, в вашем постоянном распоряжении будет также личная гостиная-спальня.

Роберт заинтересовался.

– Она находится, – добавил Перкинг, – напротив, в круглом пилоне, где, как вы, наверно, уже заметили, нет примыкающего флигеля. Изначально он, вероятно, был предусмотрен для симметричности комплекса, но строительство так и не завершили. Поэтому наши Старые Ворота, имея пристройку-флигель лишь по одну сторону, выглядят непропорционально, что, впрочем, не слишком бросается в глаза, поскольку городские дома на свободной стороне постепенно подступили к Воротам весьма близко. Оставшийся обособленным вместительный пилон, где находится приготовленное для вас жилье, соединен с помещениями Архива крытой галереей, проложенной на высоте арки.

Ассистент уже поднялся по изгибам крутой лестницы. Галерея, проходившая меж пилонами по верху арки, оказалась до того низкой, что позволяла идти, только пригнувшись. И света через круглые окошки проникало слишком мало. В другом пилоне такая же крутая лестница вела на площадку этажом ниже, где и располагалась особая полукруглая комната.

Войдя, Перкинг первым делом обратил внимание Роберта, что здесь вдобавок есть тайный вход, напрямую ведущий к одной из катакомбных дорог.

– Вон там, в нише, люк с опускной дверцей, – сообщил ассистент. – Стало быть, можно попасть в комнату или уйти, не прибегая к обходному пути через галерею и архивный флигель.

Роберт не мог не оценить это преимущество, к тому же его привлекала диковинность жилья.

Той же дорогой они вернулись обратно и снова очутились на широкой каменной площадке по другую сторону ворот. Когда они направились в уже знакомый Роберту длинный кабинет Архивариуса, Перкинг упомянул, что, пока место начальника было вакантно, кабинетом пользовался он сам, но теперь, когда назначен новый Архивариус, конечно же, очистит помещение. Тем более что он как-никак старший ассистент и его присутствие требуется во многих отделах

Архива.

С этими словами он вручил Роберту ключи – как от главного входа и решеток, так и от тайного коридора с опускной дверцей. Гостиничный номер Роберт решил пока оставить за собой, но в особых случаях, если, скажем, допоздна засидится на работе, можно будет заночевать и в Архиве. Напоследок Перкинг положил на письменный стол объемистую тетрадь с чистыми страницами, предназначенную, как он пояснил, для записи текущих событий, и вышел в соседнюю комнату, где заговорил с другим ассистентом на каком-то чужом языке. Дверь он не закрыл. Что же Роберт должен записывать? В нерешительности он открутил колпачок авторучки, открыл тетрадь и написал на первой странице: «С сегодняшнего дня д-р Роберт Линдхоф вступает в новую должность». Немного погодя он опять задумчиво закрутил колпачок.

Кому же служит Архив, который, как он внятно чуял, в корне отличен от обычных библиотек? Во время экскурсии Перкинг обронил, что Архив должен обеспечивать ясность знаний. Но кто им пользуется, кому от него прок? Какую цель преследует запись текущих событий?

Он уже подумывал позвать Перкинга для нового разговора, как вдруг с улицы донеслись тихие взволнованные голоса. Ассистенты в соседней комнате, погруженные в свою работу, оставили их без внимания. А вот Роберту, который начал читать дневник некоего коммерческого служащего, беспокойные голоса, звучавшие все громче, не давали сосредоточиться, в конце концов он встал и подошел к оконной нише.

Насколько хватает глаз, по всей улице стояли в дверях кучки людей, почти сплошь женщины, и поголовно все неотрывно смотрели в одну сторону. Из оконцев и окон тоже в волнении высовывался народ, а из соседних переулков к ожидающим поспешали новые и новые любопытные. Внезапно толпа всколыхнулась, женщины подталкивали одна другую, незнакомые оживленно кивали друг другу, словно радовались предстоящему событию. «Идут! Идут!» – закричали на дальнем углу. Весть разлеталась по округе, подгоняя последних задержавшихся горожан. Голые каменные фасады сияли желто-алым блеском.

Общее напряжение захватило и Роберта, он перегнулся через широкий подоконник. Среди зрителей ему вскоре бросился в глаза сухопарый господин в сером цилиндре, с неподвижным лицом: он вроде как праздно расхаживал туда-сюда, будто здешняя ажитация не имела к нему касательства, однако

сверлящий, пристальный взгляд явно не упускал ни малейшей детали происходящего. На миг и Роберт ощутил его на себе, но осознал это лишь задним числом, когда господин в сером цилиндре уже безучастно повернулся к нему спиной и исчез в толпе.

Толпа плотной шпалерой окаймляла мостовую, по которой теперь медленно, ритмичным шагом приближались дети, длинная вереница мальчиков и девочек. Маленькие фигурки пружинили, будто перед ними не дорога, а подвесной мост и ступают они по нему с большой опаской. Большей частью в каждой шеренге шли четверо, одни судорожно держались за руки, словно для уверенности, другие шагали поодиночке.

На головах у всех цветочные венки, у иных букетик приколот на груди или зажат в кулачке. Впереди – младшие, едва научившиеся ходить, за ними – остальные, построенные четко по росту, самым старшим на вид лет двенадцать-тринадцать. Девочки в светлых, главным образом белых платьицах, мальчики в синих прогулочных комбинезонах или в матросках. Некоторые даже надели школьные ранцы, а некоторые крепко прижимали к себе игрушку – куклу, обруч или кораблик.

Судя по этим вещицам, тут вовсе не торжественная религиозная процессия, как могло бы показаться на первый взгляд. Вереница детей скорее наводила на мысль о какой-то пешей экскурсии. Или же о пленниках, об изгнанниках, которые поневоле уходят в чужие края. Глаза у них блестели, и солнечные лучи им, похоже, не мешали, ведь все как один, не мигая, неотрывно смотрели вверх. А открытые рты создавали впечатление, будто они поют, хотя ухо не улавливало ни звука. Впрочем, временами зрелище больше напоминало безмолвный крик. Глядя вверх, многие приподняли брови, и на лбу у них возникли морщины, лишавшие лицо беззаботности и придававшие ему что-то задумчивое, удивленное. Иные, правда, улыбались, но подлинной радости в улыбке не было, она казалась слащавой, и только. Над головами детей висела дрожащая пелена, в которой Роберт, присмотревшись, распознал рой блестящих сине-зеленых мух; они без устали кружили над маленькими фигурками, назойливо садились то на руки, то на лицо, ползали, потом снова взлетали, хотя никто их не отгонял. Воздух полнился противным жужжанием. Добродушный мужчина в первом ряду зрителей поймал ладонью одну из мух, осторожно ухватил за крылья, с наслаждением оторвал все ножки, а затем раздавил.

Мало-помалу добравшись до Старых Ворот, детская гурьба в сторону не свернула, прошла напрямик под аркой, ведь решетки, как Роберт заметил еще утром, стояли настежь. На взрослых, которые буравили их взглядами, дети не обращали ни малейшего внимания. Молча и решительно шли своей дорогой, ни один не оборачивался, хотя нередко их ласково окликали по имени. Порой кто-нибудь из женщин задерживал взгляд на том или ином ребенке, словно он пробуждал в памяти что-то близкое и родное, счастливую гармонию жизни. Вот и Роберт тоже невольно подумал о своих двоих детях и принялся высматривать в стайках, проходивших совсем рядом, Эриха и Беттину. Но их не было, хотя ему чудилось, что он примечает их то тут, то там, а в конце концов прямо-таки повсюду – до такой степени сходство еще не оформившихся черт затмевало отдельные различия.

Он вдруг сообразил, почему в хождениях по городу его все время преследовало пугающее ощущение заброшенности: нигде, ни на улицах и площадях, ни в катакомбах, он не встречал ни одного ребенка, нигде не слыхал ни шума их невинных игр, ни звонкой свободы их голосов. Здесь не было детей, вот в чем дело, примерно как на курортах, где, оберегая ищущих исцеления больных, детей в парки и санаторные кварталы не допускали. Раньше, до приезда сюда, Роберт не раз говорил, что к детскому гаму способен привыкнуть лишь тот, кто сопричастен к его возникновению, ведь ему самому внезапный ребячий галдеж на улицах, назойливая крикливость голосов и необузданный рев частенько действовали на нервы, поскольку для работы требовалась тишина. Но эти ребятишки безмолвствовали, даже не плакали, просто тихо-мирно и решительно шли своей дорогой. Они словно наполняли улицу волшебством, и Роберт, кажется, все бы отдал, лишь бы у них поубавилось покорности и всюду, в том числе и в Архиве, зазвучала их веселая болтовня. Впрочем, уже одно их присутствие на время совершенно изменило бездетный город. Теперь он понимал и почему народ с таким энтузиазмом устремился им навстречу и так благоговейно провожал их взглядом. Ведь эта детвора не иначе как явилась сюда из других краев и в городе не задержится, пойдет дальше.

Никто из горожан последовать за ними не дерзнул. За уходящими следовали только городские служители с открытыми паланкинами. В них лежали крошечные младенцы, в пеленках, с пустышкой во рту. Если б они не вытягивали крохотные ручки и, барахтаясь, не оголяли ножки, можно было бы принять их за восковые куклы. Городские служители, с безучастным видом несшие свой легкий груз, были одеты в кожаные фартуки и картузы, какие Роберт уже видел на людях, что чистили улицы и забирали от дверей мусор. Он поежился. Зрители разразились восторженными криками:

– Какой милый вон тот, с голубой ленточкой! Какой чистенький! Вы только посмотрите! А какая прелесть вон тот, с розовым бантом в волосах!

И женщины, старые и молодые, вытянув вперед раскрытые ладони, принялись покачиваться из стороны в сторону. И продолжали мягко покачиваться, пока паланкины один за другим не исчезли из виду. Мушиный рой тоже рассеялся.

Когда последний городской служитель невозмутимо запер за собой решетку, ассистент, который недавно рассуждал о том, что чувствам до?лжно поскорее разрушиться, дабы выпустить на волю составляющий их материал, а именно старый Перкинг, подошел к Роберту, все еще стоявшему у окна.

– Примерно раз в два дня, – неторопливо проговорил он, – здешние обитатели таким вот образом провожают по городу группу детей. И сколько этот спектакль ни повторяется, для зрителей он не теряет привлекательности. Иными словами, хотя участие населения в маленьком параде сугубо добровольно, оно, конечно же, засчитывается как урок. Многих это зрелище трогает и ободряет.

– Можно спросить, – вставил Роберт, – куда они идут?

– Они приходят и уходят, – отвечал ассистент. – К северо-западу от города простираются обширные территории.

– Об этом мне уже говорили в Префектуре.

– Вполне естественно, – заметил Перкинг, – что дети проходят через город без задержки. Их жизнь еще не напечатлена собственной судьбой.

Роберт кивнул.

– Впору подумать о рае, – сказал он, – о невинности знания. Однако, – продолжил он после короткой паузы, – рой мух, этих мерзких паразитов!

– Наверху мухи, внизу крысы! – сказал Перкинг. – Остатки животной жизни, для них и река не преграда.

И, словно высказал или предположил слишком много, старый ассистент оборвал разговор и вышел из кабинета.

Вскоре и улица снова выглядела как обычно. Большинство зрителей разошлись, лишь немногие пока стояли в нерешительности, но вот и они зашагали прочь. Роберт хотел было вернуться к бумагам на письменном столе, но вдруг кое-что вспомнил. Замер на секунду, потом резко повернулся и, на бегу коротко попрощавшись с ассистентами, устремился вон. Впрочем, ассистенты так углубились в работу, что не обратили внимания на его поспешность.

В вестибюле Роберт мимоходом схватил шляпу и перчатки и, пока дверь за ним медленно закрывалась, был уже на улице возле Ворот. Навстречу ему тихонько шла Анна.

VI

Анна была в том же дорожном костюме, что и накануне утром. Добавила только широкополую шляпу из светлой соломки, с яркой лентой, кончики которой весело трепетали на ветру. При виде Роберта Анна остановилась. В ее лице сквозила едва заметная ласковая насмешка, под которой явно таилось смущение.

– Ты! – воскликнул он, сжимая ее руку.

– Ну конечно, я, – сказала она, – и ты теперь тоже здесь, Роб!

Она высвободила руку и одернула рукав жакета.

– Ты, верно, сердишься, – для очистки совести сказал Роберт, – что вчера утром я тебя не узнал.

– Вчера утром? – переспросила Анна, опуская глаза.

– Ты же помнишь, – сказал он. – Когда я вышел из вокзала и стоял на большой площади, где ты с другими женщинами набирала воду из фонтана.

– Верно, – сказала она, – мы всегда ходим за водой спозаранку. Значит, это было вчера? Я помню только, что ты меня не узнал.

Она опять улыбнулась, посмотрела ему в лицо.

– Что с тобой? – всполошился он. – Я тебя обидел?

– Нет-нет, – запротестовала она.

– Пойми, – продолжал Роберт, – все казалось мне новым и странным, поездка сюда, совершенно нежданная, утомительность путешествия, долгий путь от вокзала до города, вдобавок я был готов к чему угодно, только не к встрече с тобой.

– Я понимаю, – кивнула она.

– Кстати, у меня вскоре возникло ощущение, что в подземелья провела меня именно ты. Потому я и окликнул тебя, когда ты уходила, но в сумерках не сумел удостовериться в правильности догадки.

– Ты нашел жилье? – спросила она.

– Да, спасибо. Если б ты, Анна, сразу заговорила вот так, как сейчас, я бы мигом тебя узнал. Но ты приложила палец к губам.

– Ты тоже мог быть фантомом.

– Не надо шутить, Анна, – попросил он.

– А что было после?

– После… долго рассказывать. В сущности, я весь день искал тебя.

– Правда, Роб? Как замечательно!

– Но Анна! Ты же знаешь, ка?к я тебя ждал. Всегда ждал.

– Разве это сравнится со здешним ожиданием! – воскликнула она. – Но теперь я рада. Ведь ты приехал. В самом деле последовал за мной.

Роберт медлил, словно что-то обдумывая. Потом взял ее за локоть и только сказал:

– Идем. Прогуляемся немного.

Они шли по зачарованным переулкам, будто одни в целом свете. Сворачивали то направо, то налево, не замечая, что делают круг и выходят все время на то же место. Шли медленно, Анна старалась идти с ним в ногу, и юбка нет-нет натягивалась у нее на колене. Слово за слово торопливый, сбивчивый разговор первых минут успокоился.

Само собой, она тоже подумала, что он находится среди зрителей, которые пришли смотреть на детей. Кому охота пропустить такое зрелище? И как раз теперь она не могла отделаться от впечатления, будто мимо во плоти проходили и нерожденные… Нет, она не плачет. Только ведь она не могла знать, где он стоит, вот и шла по улице до самых Старых Ворот, а надежда таяла с каждой минутой. Она вообще предпочитает избегать это место… Какое место? Ну, то, где с незапамятных времен сидят летописцы, эти духовные пастыри, от которых ничего не скроешь… Да нет, у нее по-прежнему есть секреты. В том числе и от него. На то она и женщина!

Ее смех звучал в его ушах смутным соблазном. Он крепче стиснул ее локоть. По правде, она могла бы и не упоминать о Старых Воротах, Роберт все равно умолчал бы о своей причастности к Архиву. Слишком отчетливо он помнил, как странно сообщение об этом подействовало на Кателя. Но разве Анна не видела, что он вышел к ней из Ворот, а могла бы заметить его еще раньше, в окне?

– Я как раз оттуда, – сказал он.

– А не снизу? – спросила она без всякого подвоха, потому что знала про выход из катакомб, который выводил на улицу как раз под аркой Ворот.

– Увы, нет, – ответил он. – Я наблюдал за шествием детей из Архива, куда меня пригласили заранее.

– Ах да, – вздохнула она, – практические занятия не прекращаются никогда. Надо все время что-то делать, что-то устраивать, что-то заканчивать. – Она теребила пуговицы своего жакета. – У тебя небось все рукописи и бумаги отобрали, они каждое написанное слово тащат к себе, оценивают – дескать, на благо человечеству! Смешно, но мне совестно от одной мысли, что там и мои мечты могли разобрать по косточкам.

– Что ты так горячишься, любимая! – Роберт остановился. А немного погодя спросил, была ли она среди женщин, что разыгрывали балетный спектакль в открытых подвалах.

– Меня часто занимают в этих пантомимах, – мягко отвечала Анна, хотя вопрос вызвал у нее досаду, – они входят в число регулярных уроков. Кому это интересно.

– Я здесь новичок, – уклончиво отозвался он.

– Пошли дальше! – сказала она, чуть ли не по-матерински ласково.

Они снова бок о бок шли по извилистым, полным теней переулкам, не обращая внимания на убожество окрестностей. Порой задевали друг друга бедром. И молчали.

Обоими завладело чувство единения, которое никогда еще не наполняло их таким восторгом. Избавленные от чужих глаз, они могли, не таясь, быть вместе. Раньше им удавалось встречаться лишь украдкой, чтобы погулять вдвоем где-нибудь далеко, на отдаленных полевых стежках, постоянно опасаясь вдруг столкнуться со знакомыми, которые могут донести об этом мужу Анны или жене Роберта.

– Кстати, я встретил здесь друга юности, – сказал Роберт, – о котором несколько лет ничего не слышал, Кателя. Я знаю, ты лично с ним не знакома, все это было намного раньше. Но я наверняка говорил тебе о нем. И в нашей старой квартире ты определенно видела его акварели, одна висела в комнате Элизабет.

– Ах да, Элизабет, – задумчиво обронила Анна. – Как давно все это было.

– В ту пору, – продолжал он, – ты, совсем еще девочка, училась в университете. Я прямо воочию вижу, как ты впервые пришла ко мне в институт, на семинар по восточным языкам, и я рассказывал тебе про ассирийскую цилиндрическую печать, на которой был изображен скачущий единорог.

– Ты и это помнишь! – сказала она, глядя в пространство перед собой.

– Как давно мы с тобой знакомы, Анна!

– Очень давно, Роб!

– С перерывами, – заметил он, – со странными разрывами. Когда ты вдруг вышла замуж… нет, не стоит углубляться в прошлое.

– Не стоит? – спросила она.

Они шли меж холодных развалин, по безлюдным, вымершим улицам.

– Ты опять со мной, – сказал Роберт. – Последний разрыв был хуже всего: когда ты уехала куда-то в горы и никто о тебе больше не слышал. Я не верил, что мы когда-нибудь вновь будем вместе, вот как сейчас. Катель, кстати, это предвидел, сказал, что все уладится, как только ты узнаешь, что я здесь.

– Роб, здесь уже нельзя завязать новые отношения, можно лишь допрясть нити до конца. Мы были предназначены друг другу, верно? И наша жизнь еще не исполнена.

Роберта настолько растрогало чистосердечное признание Анны, что, не в силах произнести ни слова, он лишь нежно погладил ее по руке. До чего же иным, до чего же естественным все вдруг стало меж ними. А ведь прежде в решающие мгновения она всегда втайне сопротивлялась и не позволяла их жизни исполниться, как говорила теперь!

– Теперь я по-настоящему свободна, – оживленно продолжила она, – и ты тоже.

Роберт решил, что ощущение Анны вызвано окончательным разводом с мужем, а потому сказал:

– Стало быть, этот процесс закончен?

– Глупыш, – вскользь обронила она, – ты же прекрасно знаешь, что закончен. Зачем притворяешься?

– Позволь, – сказал он, – отец сообщил мне, что ваш развод рассматривается здесь в новой инстанции.

– Твой отец? Как же так?

– Вчера, когда ты ушла, я повстречал его. Внизу, в Трапезной.

– Значит, он до сих пор здесь? Хотя почему бы и нет. Ах, вот ты о чем, Роб! – Голос ее звучал неуверенно. – Я об этом мало что знаю. Забудь.

Стоя посреди улицы, они скользили взглядом по ее унылым развалинам, вверх по пустым фасадам, за которыми дотла сгорела гостеприимная жизнь, мысленно видели комнату и сад, а далеко за их пределами недостижимые поля и земли, потому что все мосты уничтожены. Но боль, пронзившая обоих как порез на кончике пальца, у каждого была своя.

– Какая у тебя прохладная кожа, – сказал он. Поднес ее руку к губам и нежно поцеловал ладонь.

– Не здесь! – сердито бросила она, поспешно отдергивая руку.

– Чего ты боишься? – воскликнул Роберт. – Поблизости никого нет, да никто нас тут и не знает, верно?

– По-моему, кто-то все время наблюдает. – Анна опять нервно одернула рукав жакета, натянула его на запястье. – Я замерзла, Роб. Ты ведь останешься у меня?

– Весьма опрометчиво так долго стоять в тени стен. Пойдем на солнышко.

– Мне страшно! – прошептала Анна. Но тотчас взяла себя в руки. – Извини, Роб! Просто я подумала о плохом. Тебе это пока незнакомо. Здесь люди придают большое значение приметам.

Широкими шагами Анна решительно направилась к площади, залитой ярким солнцем, а дойдя до середины, попыталась на ходу украдкой оглянуться.

– Смотри! – взволнованно сказала она и задержалась неподалеку от фонтана, так что немного обогнавший ее Роберт обернулся. – Смотри, наши тени сливаются! – Голос ее звучал освобожденно, уже не так сдавленно.

– И здесь мы встретились в первый раз, – сказал он, совершенно счастливый.

Она вытянула губы трубочкой и приложила к ним палец. А Роберт, наклонясь вбок и тем укоротив свою тень, ловкими движениями плеч и рук заставил ее плясать на земле. Анна не шевелилась, но зрелище, похоже, доставляло ей удовольствие.

– Твоя тень, – присмотревшись, сказал он, – вроде бы светлее моей. Странно! Никогда такого не видел!

– Ты ошибаешься! – воскликнула она.

– Чуть-чуть светлее, – упрямо повторил он, – ошибиться невозможно. Если я, к примеру, буду держать руки вот так, чтобы их тень упала на твою, это место сразу становится заметно темнее. Неужели не видишь? Сейчас примерно там, где твое сердце, а теперь…

Он осторожно опустил ладони наискось вниз, так что их более густая темнота отчетливо скользнула по лону ее тени.

– Что ты делаешь… – только и успела сказать Анна.

Ноги у нее подкосились, лицо и даже губы побелели, Роберт едва успел подхватить бесчувственую. Отнес к фонтану, благо было недалеко, не замечая, что ее ноги волочатся по земле. Осторожно усадил, прислонил спиной к стенке чаши. Потом, не выпуская Анну из объятий, достал носовой платок, окунул в

воду и смачивал ей лоб, виски и сухие губы, пока они не затрепетали.

– Анна! – воскликнул он, наклонясь к ней, потом еще раз и еще: – Анна!

Она открыла глаза, распахнула их широко-широко, взгляд метнулся направо, налево, сквозь него, как бы не узнавая. И веки снова упали. Он испуганно схватил ее бессильно повисшую руку, хотел пощупать пульс. И замер – на запястье оказалась толстая повязка, эластичный бандаж, не позволяющий найти артерию. В смятении он выпустил ее руку. Когда Анна вновь открыла глаза, взгляд уже не метался, сосредоточился на его лице.

– Ах! – воскликнула она с неподдельным удивлением. – Ты еще здесь? Я-то думала, все кончилось. – Голос у нее звучал невнятно.

– Ничего не говори, любимая, – попросил Роберт. – Разве я мог тебя оставить!

– Не знаю, – тихо сказала она. – Ты по-прежнему Роберт?

– Да, Роберт, – успокоил он, – правда-правда Роберт. Сиди спокойно, Анна, тебе надо отдохнуть.

– Но мне хочется танцевать, – сказала она, меж тем губы ее легонько порозовели, – танцевать с тобой. В самом деле хочется. – Она кивала головой, непрерывно, все сильнее и сильнее, и вдруг выкрикнула: – Оставь меня! – А когда он попытался удержать ее, одним сердитым движением вырвалась из его объятий.

Шляпа упала наземь. Анна выпрямилась и неуверенно, из стороны в сторону мотая головой, проделала несколько неловких танцевальных движений. Потом обеими руками схватилась за чашу фонтана.

– Я устала больше, чем думала, – сказала она, тяжело дыша. – Ничего, сейчас пройдет.

Ей удалось самостоятельно сесть на край фонтана, хотя Роберт готов был пособить.

– Пожалуйста, Роб, – без улыбки сказала она, – помоги мне снять чулки и туфли. Знаешь, если я опущу ноги в прохладную воду, сразу станет хорошо.

Не развязывая шнурков, Роберт снял с Анны туфли, изо всех сил дернул подвязки, после чего она сама молча их отстегнула, и нагнулся пониже, чтобы стянуть тонкие чулки.

– Я впервые так делаю, – сказал он, выпрямляясь. Кровь ударила ему в голову.

– Правда? – обронила она. – Значит, обычно мне только грезилось. А может, и сейчас тоже.

Он рассмеялся. Анна пальцами взъерошила ему волосы. Он хотел обнять ее, прижать к себе. А она уже сидела верхом на краю фонтана, перекинула через него другую ногу, подобрала юбку, опустила ноги в чашу и по-детски зашлепала по воде. Роберт оказался у нее за спиной и обнял, обхватив ладонями груди. Небо безоблачно синело над головой, и эта неизменная синева, висящая над городом, тяжким грузом навалилась на обоих.

– Но ты более не греза, – сказал он.

– Мы опоздали! – воскликнула она, испуганно глянув на солнце. Быстро вытащила ноги из воды и босиком соскользнула на землю. Снова надела свою широкополую шляпу и попросила Роберта подождать. Все, мол, займет считаные минуты, она быстро получит у начальника письменное разрешение. В смысле на вторую половину дня. А ему лучше пока осмотреть собор – это недалеко – и заодно отбыть одну из общепринятых здешних повинностей. С этими словами она кивнула на дальний узкий конец овальной площади. Потом они встретятся на трамвайной остановке.

– Присмотри за моими вещами, ладно? – уже уходя, крикнула она.

Роберт был покуда не в состоянии осмыслить торопливые реплики Анны и только смотрел, как она большими шагами спешит ко входу в подземелья. Казалось, ей было совершенно безразлично, что она босиком. Когда Анна исчезла из виду, он глянул в указанном ею направлении: в дрожащем от зноя воздухе виднелся устремленный ввысь сужающийся фасад – явно культовая постройка. Подхватив чулки и туфли Анны, он задумчиво пошел через площадь.

Что она имела в виду, когда вдруг побежала за «письменным разрешением»? И с какой стати напомнила ему об исполнении какой-то ежедневной повинности? Ведь в силу своей должности он волен ходить повсюду и сам решает, что делать, а чего не делать. Впрочем, Анна могла и не знать о его широчайших полномочиях. Но пока была при нем, она находилась под его защитой. Ему вообще нет дела до какого-то там местного «начальника», у которого она сейчас испрашивает разрешение, у него в кармане особый документ, а в случае чего достаточно лишь позвонить в Префектуру, чтобы избавить Анну от любой нагрузки! В нем закипела досада. Кстати, давным-давно пора подумать об обеде! А обедать с любимой женщиной до?лжно в уютном ресторане, его гостиница никак не годится. Но раз уж так вышло, перво-наперво надо осмотреть собор. Народ давно уже ходил в церковь не по причине набожности, а ради архитектуры постройки, ради произведений искусства. Хотя, рассматривая их, можно было, конечно, приблизиться и к тайнам бытия, как некогда происходило с верующими. Роберт поднял взгляд.

Прямо перед ним на краю площади возвышался фасад старинного собора. Монументальная, во всю его ширину, каменная лестница уводила вниз, к порталу. Вниз, потому что величественная постройка была расположена на несколько метров ниже своего окружения. Казалось, она мало-помалу утонула в земле, однако на самом деле в ходе времен просто возвысились окрестности. Роберт занимался археологией и потому знал, что руины городов, храмов и дворцов древности почти всегда приходится выкапывать из-под земли, поскольку наносы песка, каменной пыли, строительного мусора постепенно поднимают уровень почвы. В иных местах обнаруживали даже по нескольку культурных слоев, зачастую прекрасно сохранившихся. Сходным образом он объяснил себе и заглубленность собора, для которого изначально наверняка выбрали самое выигрышное место. Теперь впечатление мощи, какое он некогда производил, изрядно ослабело.

Фасадная стена, сложенная из продолговатых, тщательно подогнанных одна к другой серых глыб, во многих местах была почти чернильного цвета. Над богато изукрашенным символами порталом тянулся фриз – гирлянды крупнолистных растений, а там, где гирлянды соединялись, из гущи листьев выглядывали изъеденные ветрами резные головы, человечьи и звериные. Ажурная розетка над фризом изнутри была замурована. Потомки удалили или прикрыли и многие другие архитектурные детали фасада, так что в целом он как бы ослеп. Ниши по сторонам портала пустовали, мраморных статуй в них не было. Над входом, в арочном своде, расположенном примерно на уровне Фонтанной площади,

сверкал высеченный из зеленого камня глаз огромного лика. Может быть, взглядом Горгоны стремился изгнать злого пришельца или со сведущей строгостью небесного отца призвать желанного гостя? Волосы каменной головы, казалось, то извиваются змеями, то сворачиваются в локоны, из которых, будто из лепестков лотоса, во множестве поднимаются мелкие фигурки. Блаженные праведники, в безмолвии застывшие на корточках, точно ученики Будды, парящие на крыльях, точно эльфы, в бесстрастном ангельском просветлении. Но никакая благодать не смягчала жестокости распахнутого каменного ока.

Спускаясь вниз, Роберт задерживался на каждой ступени, чтобы в полной мере прочувствовать, как от перемены позиции у созерцателя меняется впечатление. И шаг за шагом ему открылось, что этот рельеф наверняка нечто большее, нежели просто искусное украшение портала.

По причине исполинских размеров лика целиком был виден всегда только один глаз. Этот глаз выпирал из стены, отчего, естественно, казался несколько выпученным – наверно, с самого начала. Незрячий, он не смотрел ни вовне, ни внутрь. На следующей ступени щелки век как бы сужались по краям, словно вид окрестного разрушения оставил там свой след. Тень печали была заметна и с более глубокой ступени, но глаз оставался слишком голым, слишком бесслезным, чтобы о чем-то поведать. Доверия он не внушал, но любого всезнайку обезоруживал. И оставался тусклым, пустым. Глядя вверх, Роберт тихонько спустился еще глубже. Теперь в безжизненном гигантском оке, перед которым все мельчало и только набирало равнодушия, сквозила даже доброта, и шла эта доброта от смирения – око мирилось с тем, что на него смотрят. В нем не было ни тени боли, ни тени му?ки, старость и былое страдание скорее ужесточили форму. На предпоследней ступени в разрезе ока утратилась женственность, что возникла мимолетно и напомнила об искуплении, знакомом по ликам Будды и Христа. Раз-другой Роберт приметил и легкие следы раскраски. Какой век, какой одинокий дух изваял вот это? Ведь в жизни такое знание о мировом страхе, побеждающем самого себя, каралось смертью? Роберт не мог припомнить ни единого изображения, мало-мальски сравнимого с этим. Все известное ему по чужим городам и странам неизменно обнаруживало сдвиг в человеческое. Здесь же – Роберт стоял теперь на самой нижней ступеньке – здесь было совершенно отчетливо видно: с ока творения сорвали маску божественного, но и маску демонического тоже. Оно взирало на людей и человеческие судьбы не просто безучастно, оно вообще не замечало их суетливо копошащейся ничтожности. Оставаясь отверстым, око, казалось, было объято великим сном, потухшее, но посюстороннее. Что скрывалось за ним – святое святых или лабиринт?

Сохраняя благоразумие, но в душе все же под впечатлением, Роберт вошел в притворенную высокую дверь. Однако очутился не в утробе мира. Похожее на зал длинное помещение, очертания которого терялись в синих тенях, встретило его тусклым гнетущим светом. Тихие шорохи звучали в тишине словно сыплющийся песок. Хруст под ногами уже через несколько шагов заставил Роберта остановиться. Нагнувшись, он увидел, что пол залит толстым слоем стекла. Вероятно, чтобы уберечь от повреждений разноцветную старинную мозаику, выложенную на красном камне. Узор ее был неясен, поскольку на полу трепетали блики света. Сам свет широким потоком изливался сверху, рассеиваясь в обширном пространстве. Крыша, некогда венчавшая культовую постройку, отсутствовала. Теперь ею служила извечная небесная синева. По всей длине конькового бруса, взблескивая на солнце зеленью, свисали громадные медные пластины, сплавленные в потрескавшуюся массу с острыми зазубренными краями. Медный шлем купола как бы лопнул и вывернулся внутрь. Словом, и здесь разрушение и упадок тоже оставили свои знаки. Поначалу помещение казалось открытой сверху базиликой, однако мало-помалу из мглистых теней проступили два узких боковых нефа, отмежеванные от центрального могучими колоннами, которые, словно окаменелые древесные стволы, уходили в вышину. Бросалось в глаза, что прямоугольник колонн расположен не посредине помещения, как будто собор наспех возвели вокруг много более древнего храма.

Роберт медленно направился по безлюдному центральному нефу к апсиде и ненароком очутился в том месте, где его пересекал широкий трансепт. Стены цвета слоновой кости поднимались на меньшую высоту, а в густом сумраке по обеим сторонам угадывались приделы часовен. Свернув налево, он почувствовал, что пол, на котором уже не было стеклянного покрытия, все больше понижается. Каменная кладка вырастала из природной скальной породы. В зыбком освещении он разглядел в нишах невысокие постаменты с изваяниями святых. Одни стояли в своих монашеских рясах, словно пророчествуя, другие сидели погруженные в медитацию, были и целые скульптурные группы в натуральную величину, изображавшие сцены из житий святых. При всей неприступности и холодности, какими неизменно веет от раскрашенных деревянных фигур, их застывшие в движенье тела производили необычайно глубокое впечатление. Выявилось сокровенное. Недвижные лица напоминали маски, но не оттого, что им было что прятать или утаивать, а оттого, что навеки застывшее запечатлевало волнующее мгновение жизни.

Вот здесь, изваянные из дерева и камня, стоят на страже рыцари и князья в роскошном вооружении и богатых одеждах, широко расставив ноги, обхватив ладонью рукоять меча, а вон там, у входа в грот, замерла в патрицианском достоинстве чета основателей. Помимо мирского великолепия и блеска, Роберт, как ему казалось, распознал в иных скульптурах образы французского христианства, а в иных – легендарных личностей буддийской истории. Не Ананда ли вон там, любимый ученик Будды, в отрешенном от мира созерцании, вскинув руку, словно чтобы поддержать воздух над землею, а тут не Иоанн ли, любимый ученик Господа, склонивший голову к плечу, в смирении внемлющий верным голосам? А вот это кто – дервиш или сам Шива, застывший в танце, не йог ли сидит в пещере, не буддийский ли монах подставляет свою чашку?

Если уже на собрание персонажей различных мировых религий в трансепте культового здания Роберт смотрел с растущим удивлением, то, повернувшись в противоположную сторону, изумился до глубины души. Кроме множества изображений богини Каннон, на низких постаментах выстроились в ряд статуи Марии и Мадонны то в крестьянском, то в каком-то опоэтизированном платье. Лица их нежно розовели, будто еще сохраняли жизнь изначальных моделей. Руки у всех праздно лежали на коленях, ни одна не держала на руках младенца Иисуса. Но по текучим складкам одежды чувствовалось, что каждая еще видела перед собою ангела Благовещения. Стена у них за спиной местами обрушилась, но сами фигуры не пострадали. Сколько же художников ваяли их в ходе времен? Обратив взгляд в глубь бокового придела, где пространство словно порождало все новые образы, он увидел коленопреклоненных, с молитвенно сплетенными ладонями, склонивших или запрокинувших голову. Быть может, это другие Марии, изображения Марии Магдалины, что босиком преклоняли колена на голом полу. Часто их обнаженный торс прикрывала только шаль, юбки из драгоценных тканей были изношены до дыр. Казалось, они в париках, сколь ни естественно выглядели волосы, ниспадавшие локонами или длинными толстыми косами. Пока он шел сквозь их ряды, они будто провожали его взглядами, вздыхали ему вослед? Некоторые стояли словно в мастерской, и их создатель не иначе как думал о Семирамиде, о Нинон или Лаис, обо всех безымянных дочерях Лилит, Матери-Земли, о возлюбленных, великих в своей любви. Диотима и Мона Лиза, Кундри и Лукреция, жрица и гетера – вечное возвращение в саду познания.

Замкнутое помещение незаметно сменилось свободным пространством, стены придела лишь невысокими, в половину человеческого роста, участками кладки выступали над землей средь буйных зарослей травы и дикого фенхеля. Роберт в замешательстве поспешил обратно. Не Анна ли это, десятикратно, стократно

приумноженная? Или она среди Мадонн? Внезапно он вспомнил про чулки и туфли, которые по-прежнему держал в руках, и шагнул к ближайшей статуе босоногой коленопреклоненной, неподвижно смотревшей на него, когда он положил перед нею дар. Потом смущенно глянул по сторонам – не видел ли кто. И едва успел немного отойти в глубь помещения, как по трансепту разнесся и затих громкий звон будильника. По этому знаку всюду, куда ни глянь, фигуры начали мало-помалу стряхивать оцепенение, воздетые руки опускались, сидящие медленно вставали, расправляли усталые члены и осторожно, будто опасаясь что-нибудь разбить, сходили с постаментов. Иные потягивались, многие снимали маски, скрывавшие лицо. На некоторых после долгого напряжения нападала зевота. Церковные служки тем временем с грохотом катили по проходам простенькие тележки, складывая в них маски и костюмы, рясы и доспехи, стихари и прочие одеяния, торопливо сброшенные персонажами. Теперь, уже в своей будничной одежде, они устремились к выходу. Магдалины, точно балетные танцовщицы, одна за другой упархивали за занавеску, где быстро переодевались.

На сей раз уже Роберт недвижно, как изваяние, замер средь суеты всеобщего ухода. Служка, который счел его за участника спектакля, пальцем постучал ему в грудь и сказал:

– Урок окончен.

Просторное помещение опустело, служки увезли последние тележки. На одном из каменных постаментов Роберт, собираясь уходить, заметил чулки и пару туфель.

Он шел к выходу, и при каждом шаге защитное стекло над цветной мозаикой похрустывало. Узорные мозаичные квадраты составляли симметричную звезду. Узоры были разные – знаки зодиака, перевитые линии, змеистые орнаменты, хризантемы, рыбы, похожие на лучи, полугрифоны-полудемоны, древние символы Вселенной и ее земного соответствия. Все они этакой сетью окружали расположенные в центре главные знаки – инь и ян.

Без задержки поднявшись по широкой лестнице, Роберт увидел статистов живого паноптикума, спешивших прочь. Какое наваждение! Он снова обернулся к фасаду собора. Теперь перед каменным оком над порталом качалась на веревке деревянная табличка с крупной надписью на нескольких языках:

VII

Оглушенный увиденным в соборе, Роберт шел к трамвайной остановке и, заслоняясь рукой от яркого света, тщетно озирался по сторонам. Анны нигде не было. Вокруг иссушающий зной. Несколько раз он прошелся вдоль рельсов туда и обратно, потом заметил на улице возле проволочной ограды скамейку. А когда подошел ближе, то от внезапной усталости и голода даже не сразу увидал на сиденье записку, придавленную двумя булыжниками. Рукой Анны там было написано: «Возникли препятствия. Завтра в тот же час». Ниже – начальная буква ее имени, обведенная сердечком.

Роберт рассердился. Не хотел признаться себе, что отсрочка свидания ему даже кстати, ведь от избытка впечатлений дух и нервы уже были на пределе. Волнительный визит в Архив, где трудились Перкинг и прочие ассистенты, странное шествие детей, которые прошли по городу, как бы следуя за незримым крысоловом, встреча с Анной и прогулка с любимой, каменное око на фасаде собора и живой паноптикум с фигурами святых – неужели вправду столько всего случилось в измеримый промежуток времени за считаные часы, утром и днем? Теперь, когда напряжение, вызванное новизной обстановки, шло на спад, он чувствовал огромную усталость. Обрывки образов, вопросы, слова метались в мозгу, назойливо жужжали. Глаза слипались, он видел, как на противоположной стороне остановился трамвай, но пошевелиться не мог. Вагоны и люди съежились, выпали из поля зрения, как игрушка из усталой детской руки. Роберт уснул на скамейке.

Проснулся он через несколько часов и не сразу сообразил, что находится уже не в пригрезившемся ландшафте и не дома, а в чужом городе. В городе, который избрал его своим Хронистом. Он испуганно вскочил на ноги. Солнце клонилось к закату. Мимо шли сгорбленные пожилые женщины, опустив голову, с лейками в руках. Когда он закурил сигарету, они воззрились на него с удивлением. Его взгляд упал на записку Анны, и он тотчас вспомнил, что случилось. Подложив под записку бумажник, написал на обороте: «Жди. Я приду». Внизу он изобразил заглавное «Р» и тоже обвел сердечком.

Роберт торопливо направился в гостиницу, голод подстегивал шаги. Патрон встретил его с укоризной, ведь он пропустил церемонию обеда. Роберт согласился наверстать все за ужином, хотя предпочел бы спокойно закусить у себя в номере. Когда он вошел в столовую, где и на сей раз не было ни единого постояльца, старуха Мильта как раз накрывала его столик. Она разразилась шквалом неразборчивых слов, вероятно радуясь его появлению. Затем костлявая старушенция стала перед ним, указала на куверт и вопросительным жестом поднесла к лицу сперва один палец, потом два. Роберт сделал знак, что одного куверта достаточно, и служанка разочарованно покачала головой.

Пропал вечер – Роберт тоже так думал. Ведь здесь могла быть Анна! И было бы просто чудесно! Они чуть ли не ожидали, что он придет не один. А ему даже адрес ее неизвестен. Когда подавали на стол, он поинтересовался у Патрона, не спрашивал ли его кто, и получил отрицательный ответ. Заказал еще одну бутылку вина. Чтобы заполнить паузу между блюдами, сделал запись в гостевой книге. Потом начал письмо к матери. В скором времени надо будет черкнуть весточку и Элизабет. Ему казалось, он уехал из дома много недель назад, но не впервые испытывал это ощущение, особенно сильное в начале каждого путешествия, поскольку многообразие новых впечатлений и яркость восприятия ломали привычные масштабы.

У себя в номере он сделал несколько заметок, в кратких словах запечатлев события, случившиеся после приезда. И еще долго лежал в постели без сна, все больше тревожился, не слишком ли смешным выставил себя в соборе, когда в качестве дара положил перед одной из босоногих Магдалин Аннины чулки и туфли. Только теперь он вполне уяснил, что все князья церкви, апостолы и святые заступники, которых он принимал за скульптуры из дерева и камня, смотрели на него глазами живых людей. И, должно быть, считали его болваном? Надо же, расхаживать по храму с дамскими чулками и туфлями в руке! Не знать, что там шел урок, в котором наверняка полагалось участвовать и Анне. Сам он освобожден от этих многообразных уроков, из которых, похоже, слагались будни здешнего большинства, скорее всего благодаря своей должности в Префектуре. Происшедшее с ним в соборе и для частного лица достаточно неприятно, а уж для чиновника подобная слабость вообще сущий позор. Мысль, что непоправимым поступком он с самого начала подорвал в общественном мнении свое положение Архивариуса, терзала его все сильнее. Ведь, без сомнения, скоро пойдут разговоры о том, кем оказался чужак в храме.

Впрочем, наутро, когда сон отмежевал события, чью важность ночные размышления непомерно преувеличили, он отнесся к ним спокойнее. Ему уже не казалось, что он выдал тайну, связывавшую его с Анной, и поставил под удар свою миссию Архивариуса. Если его призовут к ответу, он найдет убедительные оправдания, например, что-де нашел туфли и чулки на Фонтанной площади и оставил поблизости, в храме, полагая, что они принадлежат одной из участниц урока. Однако никто так и не потребовал от него объяснений этого инцидента, а потому не понадобилось и маскировать истинное положение вещей постыдными отговорками.

Утро Роберт провел в Архиве. Освоился на новом рабочем месте, обустроил письменный стол и еще раз хорошенько осмотрелся в той комнате, что располагалась не во флигеле, а в пилоне напротив и была предоставлена ему в личное пользование. Скромная, без доморощенных прикрас, но все необходимое есть – стол, диван-кровать, небольшие кресла, стенной шкаф, умывальник, книжные полки. Надо бы поскорее перебраться сюда из гостиницы. Потом он занялся картотекой, оставленной предшественником, хотя пока не умел вполне разобраться в записях, ссылках и цифровых шифрах. Ему казалось, он вообще никогда не сможет составить себе представление об организации этого огромного собрания. Словом, чувствовал он себя в новом мире покуда не слишком уверенно или, если назвать вещи своими именами, был в нем чужаком.

От почтенных ассистентов, корпевших над бумагами в соседних комнатах, веяло безмолвным протестом, не хотели они, чтобы им мешали, но их холодная отчужденность была не та, что у Кателя. Со старым Перкингом Роберт иногда перекидывался словечком-другим, однако настоящего разговора не получилось. Утром, переступая порог Архива, он думал, что нипочем не вынесет долгих часов, отделяющих его от свидания с Анной, и вот уж полдень, а он и не заметил, как прошло время. Просто один из юных посыльных доложил, что доставил господину Архивариусу обед из гостиницы. Роберт обрадовался, поблагодарил юношу за старания и попросил немедля принести все в кабинет.

Через некоторое время, слегка нервозно опасаясь опоздать, он покинул Старые Ворота, но предварительно через того же посыльного известил Перкинга, что намерен предпринять прогулку по городу, однако еще заглянет в Архив. Пожалуй, ближе к вечеру.

По дороге Роберт почел своим долгом внимательно смотреть по сторонам, чтобы даже на приватной прогулке не упустить возможности расширить

представление о городе и его учреждениях. Он выбрал новый маршрут – поверху, через развалины. Улицы и переулки выглядели заброшенными, мостовая во многих местах провалилась и лишь кое-где была на скорую руку залатана, в сточных канавах громоздились каменные обломки и осколки кирпичей. Какие-то люди очищали их от грязи, старались сложить аккуратными кучками, другие же рылись среди мусора, будто в поисках мало-мальски пригодных вещей, и опять создавали беспорядок. Роберт невольно отметил, как мало здесь магазинов, да и те ютились в хлипких нижних этажах разрушенных домов. Уродливые витрины, заколоченные грубыми досками, позволяли заглянуть внутрь лишь сквозь крохотные просветы, заклеенные прозрачной бумагой. Там, кое-как расставленные, томились в глухой печали пыльные муляжи, круглые выцветшие жестянки, четырехугольные коробки из вздувшегося картона – словом, всякое залежалое старье.

В одном месте у закрытых дверей стояла довольно длинная очередь, преимущественно женщины с потертыми хозяйственными сумками, вялые пустые фигуры, ожидавшие какой-то раздачи. Мимоходом Роберт услыхал, что самые первые заняли очередь еще до рассвета, да так и ждут, не продвинувшись ни на шаг. Народ начал расходиться.

– Какой смысл стоять, – слышалось тут и там, – попробуем завтра.

Из пришедших напоследок иные не поверили и с надеждой шагнули вперед, замыкая возникшие бреши.

– Без толку все это, – надтреснутым голосом сказала соседке одна из женщин.

– Ну хоть время скоротали, – отозвалась та.

Оставив позади тесноту Старого города, Роберт почувствовал себя свободнее. Перекинул пиджак через руку, расстегнул ворот рубашки. На Фонтанной площади украдкой глянул на фасад собора, который блеклым виде?нием возвышался на фоне синего небосвода. А когда свернул к трамвайной остановке на углу, сердце у него забилось учащенно.

Анны он не увидел. На скамейке так и лежала его записка, нетронутая, оставленная всеми без внимания. Он сунул ее в карман пиджака, сел на скамейку. Заслышав шаги, всякий раз поднимал голову. Все как раньше, думал

он, она вечно опаздывала. Но чем дольше ждал, тем труднее было обуздать беспокойство. Воображение рисовало разные несчастья, постигшие Анну. Однако рисовало и что бы могло случиться, если б они наконец-то увиделись, если б он в этой жизни остался с нею наедине. Чувственные мысли накатывали потоком.

– Ку-ку! – Ладони Анны закрыли ему глаза. Он схватился за очки, грозившие соскользнуть из-за Анниного озорства. Впрочем, в ее присутствии недовольство быстро улетучилось.

Они решили не садиться на трамвай, ведь ходил он редко и нерегулярно и до места все равно их не довезет. Анна предложила идти пешком через поселок с частными домами, он совсем недалеко, по левую руку от проезжей дороги. Роберт подхватил чемодан, который Анна принесла с собой.

– Это окончательный переезд, – с гордостью объявила она.

Выхлопотать разрешение на переезд в фамильную виллу родителей оказалось труднее, чем предполагала Анна. Окружной начальник выразил сомнения насчет того, что можно досрочно отпустить ее из подземного общежития, где она состояла в соответствующей группе и числилась в списках так называемых волонтеров. В этих списках было помечено, что попала она сюда преждевременно, а потому должна пребывать в полумонастырских условиях. Не имея опыта общения с властями, она опрометчиво решила, что для перемены местопребывания в городе будет достаточно коротких переговоров. Увы, пришлось писать заявления и заполнять формуляры с сотнями вопросов, хотя инстанциям изначально известны все подробности о каждом из городских обитателей. Когда в спешке положила на скамейку записку для Роберта, она еще сомневалась, уладится ли ее дело за одни сутки. Ночевала, как обычно, в переполненном дортуаре с сорока-пятьюдесятью товарками, а отнюдь не в долгожданном одиночестве. Лишь совсем недавно, в полуденный час, когда начальник по ее настоянию напрямую связался с Префектурой и в разговоре было упомянуто имя Роберта, ей мигом предоставили отпуск, впредь до особого распоряжения. Одновременно ее предупредили о связанных с этим опасностях, а также о том, что ей не стоит искусственно ускорять процесс. Ну, она согласно кивнула, подписала какую-то бумагу, собрала вещи и сейчас, добившись своего, чувствовала себя веселой, прямо-таки окрыленной.

Пока она оживленно все это рассказывала, они свернули с проезжей дороги в сады частного поселка, расположенного сразу за городской чертой. Белая пыль покрывала окрестности, деревья и кусты, за которыми тут и там виднелись невысокие здания.

Когда Роберт сообщил, какая незадача произошла с ее туфлями и чулками, она не обратила особого внимания на его слова. Казалось, потеря нисколько ее не расстроила.

– Если они не найдутся на церковном складе, – сказала она, – выменяем что-нибудь на барахолке. Пока что я обхожусь сандалиями, как видишь.

В ее походке опять была та широкая, пружинистая стремительность, которую он так любил.

– Теперь я свободна, – сказала она немного погодя.

Они бок о бок шли по одной из узких немощеных дорожек, которые более-менее планомерно тянулись между участками. От дорожки палисадники отделяли кованые решетки оград, а не то и чугунные цепи, свободно подвешенные на невысоких столбиках. Местность производила на Роберта впечатление аристократичного предместья, погруженного в атмосферу дремотной изысканности. Душный воздух полнился запахом прели, как осенью.

Всюду в ухоженных садиках усердно пололи, поливали, копали, сажали. Насколько Роберт мог видеть, там бодро и неторопливо трудились люди хорошо одетые, в большинстве пожилые. Трудились они не ради заработка, скорее скрашивали себе долгие часы, но относились к работе со всей серьезностью. Нагибались за каждым едва проклюнувшимся сорняком, подбирали на дорожках каждый увядший листок. Из небольших леек – воду брали из похожих на цистерны лоханей – они поливали кустики на грядках, заодно внимательно осматривая листву деревьев: не видать ли вредителей? Рыхлили землю тяпками, а наступив на взрыхленный участок, тотчас разрыхляли оставленный след, будто самое главное, чтобы с виду все было в идеальном состоянии. Часто они отдыхали, но даже в их покое сквозила какая-то ревностная нарочитость.

Вполне под стать идиллическому покою, и сами здешние постройки на первый взгляд были отмечены разрушением куда меньше, чем дома в городе. Гладкие

каменные стены сверкали, точно полированные цоколи памятников. Правда, на фронтонах, нередко украшенных изящными башенками и лепными фигурами, виднелись выбоины и дыры, а стекла в узких окнах, на первых этажах зарешеченных, частенько отсутствовали. В трещинах гнездился мох. Над всем кварталом витал отблеск стародавнего аристократизма, хотя в иных одичавших садиках попадались и разрушенные виллы, напоминания о вымерших поколениях.

Глянув в просвет меж деревьями и домами, Роберт увидал вдали на открытой местности большие постройки с колоннадами. Анна объяснила, что это не храмы, как он, верно, подумал, а военно-спортивные сооружения и казармы.

– Я тоже плохо знаю эти места, – сказала она. – До сих пор что-то все время удерживало меня от розысков старого дома наших предков.

Словно ведомая шестым чувством, Анна в конце концов остановилась перед низким строением, расположенным в глубине сада.

– Кажется, здесь, – сказала она Роберту.

Она зажмурилась, словно еще раз сверяя зримый образ с мысленным. Особняк с плоской крышей был построен в стиле скромного господского дома. Три окна разделены широкими простенками. Сквозь гущу вьющихся растений просвечивала охряно-желтая штукатурка. Меж елями и вечнозеленой ползучей растительностью посыпанная гравием дорожка вела через палисадник к крыльцу, расположенному не посередине, а сбоку, возле угла. Над дверью виднелось круглое окошко.

На лавочке у открытой двери грелась на солнышке пожилая чета. Женщина с бледным лицом и причесанными на прямой пробор редкими седыми волосами вязала красновато-коричневую шаль, которая спадала с ее колен до самой земли. На работу свою она почти не смотрела, руки, вышколенные долгой привычкой, действовали механически. Мужчина был в темной бархатной ермолке, румяные щеки и острая белая бородка делали его похожим на гнома. Козырьком приставив руку к глазам, он испытующе посмотрел на пришельцев.

– Наша Анна, – сказал он жене.

– В самом деле, – сказала та, – и Анна здесь. В двадцать восемь-то лет.

– Вот и я, – сказала сама Анна, бегло поздоровавшись с родителями, будто встреча с ними была ей не очень кстати.

Мать не встала, только слащаво улыбнулась:

– То-то я в последние дни уже не видела тебя во сне. Вот, стало быть, в чем дело. Ты была на пути сюда.

– Она все вяжет и вяжет, – заметил отец, – по привычке.

– Позвольте представить вам господина доктора Линдхофа, – перебила Анна.

Роберт поставил чемодан, молча поклонился.

– Твой кавалер? – спросила мать.

– Инспектор из города? – осведомился отец.

– Мой спутник, – сказала Анна, непринужденно обняв Роберта за плечи.

– Он носит ее багаж, – сказала мать, покосившись на мужа.

– Ну-ну, – проворчал старик.

– Но это не Хассо, – сказала жена, и снова звякнули спицы.

– По старинному обычаю я тут немножко садовничаю, – сказал старик Роберту, который не без смущения высвободился из Аннина объятия. – С тех пор как мама здесь, – добавил он, – и порядок легче поддерживать.

– Вечером всегда ходит к своей бочке, – сказала старуха.

– Да, люблю вечерком наведаться к бочке, – сказал он. – Сижу себе в погребе, постукиваю по ее деревянному брюху и думаю: вот сейчас вытащу затычку и

нацежу вина. Но всегда опять откладываю до следующего вечера. В общем, с радостью предвкушаю, без всякого разочарования. Самое милое дело в мои годы.

– Но к бочке он ходит каждый вечер, – сказала жена.

– А ты вечно вяжешь свою шаль, – отпарировал он.

– Не ссорьтесь! – воскликнула Анна.

Старик снова обратился к Роберту:

– Нам дана привилегия пожить некоторое время в старом доме предков. Если хотите убедиться, тут всего-то шаг-другой по саду… мы чтим памятники предков.

– Он все содержит в порядке, – сказала мать, – что правда, то правда.

Старик уговорил Роберта пройти с ним к торцу дома, где полукругом стояли невысокие каменные стелы. Они утопали в зарослях самшита, и на каждой в овальном медальоне был рельеф мужской головы. Мелкие регалии украшали край, однако ни имен, ни дат не указано. Чем дальше они шагали вдоль ряда поколений, тем старше казались стелы, тем отчетливее проступали следы выветривания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kazak_german/gorod-za-rekoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить